ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 23 (2406) Суббота, 20 марта 1948 г. Цена 40 коп.

Библиотеки страны социализма

Осуществленная за годы советской власти культурная революция коренным образом изменила самую сущность и характер просветительных учреждений — она превратила библиотеки из достояния небольшой кучки ученых или якобы ученых, из средства забавы скучающих бездельников в мощные центры идейного воспитания народных масс.

Сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции для народа был широко открыт доступ к богатствам книжных фондов страны. «...Под'ем к знанию массы рабочих и крестьян, — писал В. И. Ленин в 1921 году,—громадный, стремление к образованию и к созданию библиотек могучее, «народное» в настоящем смысле слова».

Библиотечное дело в СССР приобрело государственное значение. Огромную роль в развитии новых принципов организации библиотечной сети и работы с книгой сыграли многочисленные указания В. И. Ленина о задачах советского библиотечного строительства, подписанные им правительственные решения и такие основополагающие документы, как, например, составленная в августе 1919 года особым совещанием ответственных политических работников Западного фронта под руководством товарища Сталина «Инструкция для комиссара полка в действующих частях».

Сталинская забота об идейном росте трудящихся, об удовлетворении их культурных запросов особенно ярко сказалась в том размахе, с которым совершалось у нас развитие библиотечного дела.

В 1914 году в России было всего 12.600 массовых библиотек с фондом в 8,9 млн. книг. При советской власти число массовых народных библиотек к 1 октября 1939 года выросло до 86.200 с числом книг в них в 166,7 млн. экземпляров. Общее же число всех библиотек в стране, включая библиотеки школ, учебных заведений, государственные публичные и научные, технические на фабриках и заводах, перед Великой Отечественной войной превышало 250 тысяч, и их книжный фонд достигал 500 млн. томов.

Библиотеки советской страны призваны служить интересам народа, помогать партии в коммунистическом воспитании масс, в вооружении их марксистско-ленинской теорией, в воспитании молодого поколения в духе советского патриотизма. Они должны развивать художественный вкус читателей, повышать их идейный и культурный уровень, помогать им в самообразовании, в приобретении научных и технических познаний. Неразрывная связь всей работы с актуальными политическими задачами, с важнейшими вопросами жизни государства — таков основной закон деятельности библиотек.

В практику библиотечной работы прочно вошли новые формы и методы книжной пропаганды: выставки, рекомендательные списки, читательские конференции, литературные вечера, беседы, доклады.

Изменился сам тип библиотечного работника. Из чудаковатого отшельника или равнодушного регистратора он превратился в близкого друга и мудрого наставника своего читателя. Советский библиотекарь — передовой участник строительства коммунизма, он — душа дела, глубоко знающий запросы читателей, умеющий будить их мысль, руководить их чтением. Именно потому профессия библиотекаря пользуется у нас всенародным уважением и любовью.

В эпоху строительства коммунизма перед армией советских библиотекарей встают еще более грандиозные задачи дальнейшего улучшения содержания, организации, методики и техники работы массовых библиотек для наиболее плодотворного участия в общенародном деле осуществления сталинской программы расцвета социалистической Родины.

Последствия войны до сих пор еще сказываются, особенно в районах, подвергавшихся немецкой оккупации, на развитии библиотечной сети. Массовое истребление книг немецкими захватчиками в этих районах, разрушение библиотечных зданий привели к недостатку книг, который может быть успешно и в кратчайшие сроки ликвидирован не только благодаря усиленной работе издательств, но и путем перераспределения имеющихся книжных фондов. Однако уже сейчас ясно, что, как бы успешно ни развивалась сеть государственных библиотек, она не может полностью обеспечить возросшие потребности населения в книге.

Поэтому во всей насущности встает вопрос о необходимости разработки единого плана построения библиотечной сети в стране, обязательного для всех ведомств и организаций, вопрос о полной реализации ленинского принципа общедоступности библиотек. Чрезвычайно важны вопросы подготовки кадров, усиления внимания к нуждам библиотек со стороны районных и городских советов, мобилизации всей советской общественности на борьбу с расхитителями книг, являющихся народным достоянием.

Повестка пленарных и секционных заседаний Всероссийского совещания, открывающегося 23 марта, свидетельствует о том, что его организаторы уделили внимание почти исключительно вопросам организационным, техническим. Вполне оправданное внимание к этим делам не должно привести к забвению вопросов идейных.

Сведение всех проблем развития библиотечного дела исключительно к проблемам технической организации дает себя знать в работе Комитета по делам культурно-просветительных учреждений. Это, в частности, наглядно видно из статей, опубликованных к совещанию органом комитета — журналом «Библиотекарь». Этот единственный журнал, призванный оказывать практическую помощь библиотекарю в его работе, явно страдает узким практицизмом, ведомственностью, полным отсутствием внимания к запросам своих читателей. Достаточно сказать, что редакция журнала ухитрилась обойти важнейшие вопросы нашей современности — вопросы советского патриотизма и борьбы с низкопоклонством перед буржуазной культурой Запада.

Одним из серьезнейших недостатков в области библиотечного строительства является недопустимое отставание теоретической работы по вопросам библиотековедения от живой практики. Актуальные проблемы библиотечного дела не изучаются, богатейший опыт, накопленный за тридцать лет, остается необобщенным. Среди защищенных за последнее десятилетие 40 диссертаций по библиотековедению и библиографии только 3—4 представляют собой какую-то попытку обобщения опыта работы с современным советским читателем.

Низкопоклонство перед иностранщиной также ощутимо дает себя знать среди некоторой части библиотековедов. Преклонение перед практикой и теорией библиотечного дела в капиталистических странах выражается в появлении исследовательских работ, в которых незаслуженно превозносится постановка библиотечного образования в США, некритически используются работы иностранных библиотековедов.

Эти отрицательные явления не могут и не должны пройти мимо внимания участников совещания.

Надо надеяться, что Всероссийское совещание не только подведет итоги работы, но что деловая большевистская критика и самокритика будут способствовать дальнейшему улучшению как организации библиотечной сети, так и повышению идейного уровня работы массовых библиотек.

Советские писатели с искренним волнением и радостью ожидают этого совещания — слета своих близких и дорогих друзей. Библиотекарь — это как бы связной между советской литературой и читателем. В повседневном живом общении с читательскими массами он приобретает глубокое знание их запросов и сможет донести до писателей дружескую и нелицеприятную критику их творчества массами.

Братский привет, дорогие труженики коммунистического просвещения!

Творческая инициатива миллионов

Инженер И. А. Бурдин, в сущности, не имел никакого отношения к строительству новой гидроэлектростанции в его родном Ирбитском районе Свердловской области. Но когда он узнал, что плотину и створ станции предполагают соорудить на реке Нице близ села Бердюгино, он решительно стал возражать против проекта.

В письме, отправленном в Главсельэлектро Министерства сельского хозяйства СССР, тов. Бурдин доказывал, что место для гидростанции выбрано неудачно. Он предложил новый, более целесообразный проект.

И. Бурдин оказался прав. Специально созданная комиссия, тщательно проверив оба проекта, единодушно поддержала уральского инженера. Его предложение дает возможность сэкономить сотни тысяч рублей.

Энергичное вмешательство тов. Бурдина в строительство электростанции характерно для наших дней. Среди корреспонденции, ежедневно получаемой Министерством сельского хозяйства СССР, всегда имеется несколько десятков писем, написанных советскими людьми не по обязанности, а по внутреннему побуждению, по глубокому чувству социалистического долга.

Колхозники и агрономы, инженеры и рабочие, служащие и студенты шлют в министерство свои предложения, связанные с повышением урожайности колхозных полей и садов, с улучшением агротехники, с выведением новых сортов зерновых, технических и плодовых культур, с механизацией и мелиорацией. Все эти предложения способствуют дальнейшему расцвету и экономическому укреплению советской страны.

«Я — советский гражданин и болею душой за наш урожай», — так начинает свое письмо бывший колхозник, ныне сержант Н-ской части комсомолец Магафур Ягламунов.

Находясь в армии, тов. Ягламунов посвящает все свое свободное время конструированию различного сельскохозяйственного инвентаря.

«Мне 78 лет, — пишет Т. М. Сабанцев из колхоза «Красное знамя» Челябинской области. — Но, несмотря на свои преклонные годы, я попрежнему хочу быть полезным своей любимой Родине».

Чувством глубокого патриотизма проникнуты и письма демобилизованного воина Советской Армии, ныне ленинградского шофера В. П. Тюрина, и слесаря совхоза «Горняк» Сталинской области Л. М. Шкурата, и колхозника Краснодарского края М. И. Маляра, и сотен советских граждан.

Многолетняя работа тов. Шкурата над усовершенствованием конструкции картофелепосадочной машины увенчалась успехом. Ему удалось создать тип машины, более совершенной, чем существующие. Испытания опытного образца подтвердили эффективность машины: увеличилась скорость и улучшилось качество посадки картофеля.

Слесарь совхоза имени Сталина в Тамбовской области А. Т. Смольянинов остроумно разрешил проблему двухрядной посадочной машины для свекловичных плантаций. На продолжение исследовательских работ ему ассигновано 25 тысяч рублей.

Значительную помощь оказал пчеловодам Кубани колхозник М. И. Маляр: он предложил делать ульи не из строевого леса, в котором на Кубани ощущается недостаток, а из камыша и соломы. Сейчас в Краснодарском крае организуется предприятие для производства ульев новой конструкции.

Примеров, свидетельствующих о широкой творческой инициативе советских людей, можно привести немало. И число их неуклонно растет. По сведениям Министерства сельского хозяйства СССР, количество рационализаторских предложений и изобретений только за последний год превысило тысячу — вдвое больше, чем за предыдущий год.

Против космополитизма в науке о литературе

Всем нам хорошо памятны замечательные ленинские слова:

«Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине **выстрадала** полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы».

Судьба передового русского писателя неотделима от этой истории народных страданий и борьбы, от самоотверженных исканий выхода из мира социального зла и угнетения.

О лучших художественных созданиях русской литературы можно сказать, что они были **выстраданы**, что они рождались в глубоких раздумьях писателей о доле народной, о путях ко всеобщему счастью, рождались в борьбе и страданиях, в самоотверженных стремлениях русских писателей к свободе.

Именно так оценивали русских писателей Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов.

Сама русская жизнь являлась для них решающим моментом в оценке литературы.

Замечательным революционным и материалистическим традициям передовой русской критики противостояла буржуазно-либеральная наука. Одним из «столпов» этой науки был А. Веселовский.

Литература под пером Веселовского теряет свой живой, человеческий, общественный, свой национальный характер. В его работах она предстает перед нами вне времени и пространства. Реальная жизнь с ее классовой борьбой, с ее жестокими противоречиями, столкновениями различных социальных групп, жизнь, взятая в ее бурном, революционном развитии, с ее набатным гулом народной борьбы за свободу, — все это остается где-то там, «внизу», все это уже совсем неразличимо. Взгляд ученого-космополита воспаряет кверху, он скользит над жизнью, он витает в мире мертвых абстракций, условных схем, неизменных, устойчивых сюжетов. Холодными, равнодушными глазами окидывает он бессмертные художественные творения, в каждое из которых писатель вложил свою душу, свои заветные, кровные мысли, чаяния, надежды, призывы.

Чуждый народу, такой ученый чужд и национальной гордости.

Такой исследователь-космополит мыслит только узко литературными, чисто профессиональными категориями. Весь круг его интересов не выходит за пределы механических сопоставлений, сравнений, сличений и параллелей.

Подобно тому, как либерал, чурающийся классовой борьбы, всегда выступал против революционеров, борющихся за освобождение народа, так представители либерально-буржуазной академической науки всегда расходились с революционно-демократической традицией русской литературы и критики XIX века.

Большое значение статьи «Против буржуазного либерализма в литературоведении» (газета «Культура и жизнь» от 11 марта 1948 г.) состоит в том, что эта статья глубоко раскрывает враждебность буржуазного либерализма — революционной, общественной мысли XIX века.

Ошибка дискуссии об А. Н. Веселовском, затеянной журналом «Октябрь», заключалась, как совершенно правильно указывает газета «Культура и жизнь», в том, что вместо прямого и непримиримого разоблачения буржуазно-либеральной концепции А. Веселовского участники спора толковали о его «противоречивости» и выясняли, в какой степени он «полезен» и в какой «устарел», в чем он якобы приближался к марксизму и в чем расходился. Столь же двусмысленный и половинчатый характер носила критика А. Веселовского в статье Л. Плоткина, опубликованной в «Литературной газете» (№ 37 от 20 сентября 1947).

Вредная и лженаучная концепция А. Веселовского является не чем иным, как одной из разновидностей буржуазного космополитизма. Именно отсюда идут у последователей Веселовского и отрицание своеобразия могучей русской национальной культуры, и рабское низкопоклонство перед иностранщиной, и бессмысленная «охота за параллелями», формальными соответствиями в литературе разных народов. Перед нами статья Б. Томашевского «Проза Лермонтова и западно-европейская литературная традиция» («Литературное наследство», т. 43—44. М. Ю. Лермонтов. 1. М. 1941). В небольшом вступлении автор пишет о русской литературе:

«Пути ее исторического становления подлежат исследованию с двух сторон. Основным фактором ее возникновения, роста и созревания явились условия русской жизни той эпохи; отдельные этапы ее развития должны быть изучены и осмыслены в свете этих условий, в свете социальной и культурной обстановки того времени. Вместе с тем, русская проза 30-х годов формируется не изолированно, а в теснейшей связи с прозой западноевропейской, используя ее исторический опыт. **Таким образом, возникает еще один аспект исследования — историко-литературный в узком смысле этого слова; в этом аспекте и строится настоящая работа».**

Если верить Б. Томашевскому, русскую литературу, оказывается, можно изучать «и так, и этак». Можно изучать ее развитие в свете социально-исторических условий. Так изучали нашу литературу Белинский, Чернышевский, Плеханов. Такому пониманию литературы учил нас Ленин, учит И. В. Сталин. Но можно, видите ли, изучать литературу и по-иному, — отбросив социальные, классовые, исторические понятия, искусственно отделив литературу от породившей ее жизни, безжалостно откинув все, что выходит за пределы чисто литературного ряда и хоть чем-нибудь напоминает о живой, общественной жизни. Так изучал русскую литературу А. Веселовский. И именно так предлагает изучать литературу проф. Б. Томашевский!

Наша русская жизнь с ее непрерывными, напряженными духовными исканиями, с незатихающим народным движением против гнета и насилия, многовековая борьба за всеобщее счастье, борьба с чужеземными «трехнедельными удальцами» и с русским самодержавием — душителем народной свободы, — все это нисколько не интересует ученых-космополитов, все это они пытаются отбросить, как нечто второстепенное, маловажное для науки.

А вот мелочное, крохоборческое сличение отдельных фраз и оборотов, выяснение, откуда взял или мог взять русский писатель ту или иную мысль, у кого он ее позаимствовал, какой международный «маршрут» проделала та или иная художественная деталь или мотив, — это, по уверению космополитов, и есть подлинное литературоведение.

Б. Томашевский прослеживает «параллели» лермонтовской прозы то с «Шуанами» Бальзака, то с «Собором Парижской богоматери» В. Гюго, то с «Рене» и «Атала» Шатобриана, то с «Ленорой» Бюргера, то с «Окольным путем» Жюля Жанена, то с «Жерфо» Шарль де Бернара. Но вот он подходит к теме пугачевского восстания в творчестве Лермонтова. Уж его, казалось бы, никак не об'яснишь результатом иноземного влияния! Но Б. Томашевский и здесь остается верным своему формально-сравнительному методу:

«Повидимому, пример «Шуанов» Бальзака заставил Лермонтова обратиться к эпохе исторически близкой, к событиям не более чем шестидесятилетней давности, к значительнейшему из крестьянских движений последнего времени», — заявляет исследователь.

Лучшие русские писатели — Радищев, Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Щедрин чутко и внимательно следили за русской жизнью, с неослабевающей надеждой ждали того момента, когда великий народ встанет, распрямится во весь свой исполинский рост, стряхнет с плеч паразитов и угнетателей. Могучие отголоски назревающей революции, движения народных масс, призывы к революционному действию явственно слышатся и в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева, и в поэзии Пушкина и Лермонтова, и в письме Белинского к Гоголю, и в «Истории одного города» Щедрина, и в стихах и песнях Некрасова, исполненных испепеляющей народной ненависти к угнетателям.

Не упуская случая изобразить писателя родной страны в виде слепого подражателя, космополит сразу оказывается глухонемым, как только заходит речь о Родине, о ее замечательных революционных традициях, о ее национальных героях и деятелях.

Борьба с космополитизмом далеко не является узко академическим вопросом. Она имеет большое общественное, политическое значение.

Ведь именно под маской космополитизма выступают сегодня зарубежные буржуазные литературоведы, тщетно пытаясь подвести научную «базу» под империалистические вожделения англо-американского капитала.

Идейки об «устарелости» понятий национального суверенитета, народной самостоятельности и независимости прямо перекликаются с лженаучными рассуждениями о том, что нет национальной самобытной культуры, а есть, мол, одна мировая культура, оторванная от реальной жизни, от идейной борьбы, от народного движения за свободу. Прямая задача советских литературоведов состоит в том, чтобы до конца разоблачить буржуазную, антинародную сущность космополитизма, показать его прямую зависимость от корыстных интересов современного империализма.

Нужно серьезно, критически просмотреть работы наших литературоведов. Немало еще низкопоклонства, угодничества перед буржуазной культурой Запада, немало еще лженаучных космополитических «концепций» встречается в «Ученых записках», в «Научных вестниках» университетов и институтов, в отдельных томах «Литературного наследства», в историко-литературных сборниках, альманахах, журналах. Немало лженаучных теориек преподносится с кафедр нашим студентам и аспирантам.

Неисчерпаемо богата культура великого русского народа. Чувство законной гордости вызывают у нас титаны мысли, мастера слова, художники, у которых есть чему поучиться миру. Наша критика должна продолжать и развивать на новой основе лучшие демократические и патриотические традиции Белинского, Чернышевского, Добролюбова. У наших великих вождей Ленина и Сталина должны учиться советские критики и литературоведы глубокому, проникновенному анализу жизненных и литературных явлений, предельной научной точности, достоверности и вместе с тем горячей большевистской страстности, партийности, животворному советскому патриотизму.

Победы Демократической армии Греции

Образование Народно-демократического правительства Греции во главе с генералом Маркосом явилось новым этапом в борьбе греческого народа за национальную независимость. Прочно закрепившись в горных районах страны, демократические войска за период январь—март 1948 года значительно расширили район боевых действий. Как заявил генерал Маркос корреспонденту венгерской газеты «Сабад неп», Демократическая армия в настоящее время контролирует $^{7}/_{10}$ всей территории Греции.

Наиболее успешные операции Демократическая армия провела в южной части материковой Греции. Здесь в феврале демократы прорвались в район гор Геликон и Киферон, а также к городам Левадия и Фивы. Монархо-фашисты понесли серьезное поражение и потеряли ряд населенных пунктов, в том числе город Пармита в **15 километрах от Афин.**

Одновременно Демократическая армия активно действовала в районе Навпактоса, где потеснила монархо-фашистов, заняла Арахова и несколько других пунктов. Народные войска атаковали также важный в стратегическом отношении город Платанос.

Появление частей Демократической армии в непосредственной близости от Афин вызвало в столице настоящую панику. Попытка войск афинского правительства вытеснить народные силы из этого района успеха не имела. Монархо-фашисты потерпели поражение у горы Киферон и были вынуждены отступить.

Значительные события происходили в феврале на Пелопоннесском полуострове. Демократические войска, действующие в северной части Пелопоннеса, после ряда успешных операций ворвались в город Эгион, а также нарушили железнодорожное движение на линии Коринф—Патры. В южном Пелопоннесе они освободили несколько пунктов в районе портовых городов Гитион и Каламы. В центре полуострова демократы активно действовали в секторе Андрицена.

Хотя наиболее крупные бои велись в Центральной Аттике и на Пелопоннесском полуострове, Демократическая армия продолжала тревожить противника и в северных районах Греции. В Эпире они заняли несколько пунктов в секторе Филиатес и сорвали наступление монархо-фашистских войск, в Фессалии совершили удачные налеты на город Волос и его окрестности, освободили Ставрос и ряд других пунктов, во Фракии полностью окружили город Дидимотихон и парализовали пограничное сообщение между Турцией и Грецией. Кроме того, народные войска провели ряд удачных боевых операций в районе порта Салоники, подвергнув город артиллерийскому обстрелу, а также на островах Крит, Самос и Лесбос.

Таким образом, части Демократической армии нанесли врагу чувствительные удары одновременно во многих пунктах. Тактика демократов заставляет монархо-фашистов распылять силы. Она полностью дезорганизует коммуникации врага. В то же время народные войска, искусно маневрируя, выходят из-под удара всякий раз, когда этого требует обстановка, как это было, например, в районе Конипы в начале января.

Все свои дальнейшие расчеты монархо-фашисты строят на зыбком песке американской «помощи».

По существу говоря, военная миссия США сейчас взяла на себя руководство военными действиями в Греции. Недавно назначенный на пост начальника американской военной миссии в Афинах генерал Ван-Флит, сменивший слишком «нерешительного» генерала Лайвсея, вместе с руководителем американской миссии «помощи» Грисуолдом и главой английской военной миссии Роллинсом участвует в заседаниях Высшего военного совета национальной обороны. Этот совет руководит всеми операциями монархо-фашистских войск.

Генерал Ван-Флит возглавит также «смешанное плановое бюро», состоящее из американских офицеров армии, флота и авиации, которое будет действовать в контакте с греческим генеральным штабом. Другими словами, создается своеобразный греко-американский об'единенный совет начальников штабов. Кроме того, к каждому корпусу и дивизии монархо-фашистской армии прикомандированы американские «наблюдатели»; они, как уже сообщалось в печати, принимают непосредственное участие в боях.

Несмотря на предпринимаемые «срочные» меры, дела правительства Софулиса идут все хуже и хуже. Успехи народных войск свидетельствуют о неуклонном росте демократических сил в стране. Греческий народ выступает против антинародной политики реакции. Именно поэтому монархо-фашистам не помогают ни вооружение, поступающее из США и Англии, ни американское руководство, ни кровавый террор, который они развязали в Греции.

О. ПРУДКОВ

В Академии наук СССР

НАУЧНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ А. М. ГОРЬКОМУ

Бюро Отделения литературы и языка Академии наук СССР утвердило программу об'единенной сессии отделения и Института мировой литературы имени А. М. Горького, посвященной 80-летию со дня рождения А. М. Горького.

Сессия откроется в Москве 25 марта докладом члена-корреспондента Академии наук СССР А. Еголина — «Горький и русская литература XIX века». Ряд докладов посвящен вопросам творчества великого писателя в советский период. В программу включен цикл докладов на тему «Горький и литературы народов СССР», с которыми выступят научные сотрудники академий наук и вузов союзных республик. Сессия продлится 5 дней.

Институт литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР в ознаменование 80-летия со дня рождения А. М. Горького проводит 27 марта заседание ученого совета.

КЛАССИКИ ГЕОГРАФИИ

Институт географии Академии наук СССР приступил к изданию серии книг под общим названием «Классики географии». В первый том, выходящий под редакцией акад. А. А. Григорьева, включены избранные сочинения А. И. Воейкова — выдающегося русского климатолога и географа. Среди них — его работа, заслужившая мировую известность, — «Климаты земного шара».

В этот том вошли также подробная биография А. И. Воейкова и обширная библиография его трудов. Том об'емом около 50 печатных листов уже сдан в печать и выйдет в свет в этом году.

В последующие тома серии намечено включить «Описание земли Камчатки» акад. С. П. Крашенинникова и некоторые неопубликованные его материалы, географические исследования П. А. Кропоткина.

ЛЕКЦИИ ЛЕНИНГРАДСКИХ УЧЕНЫХ

Тысячным тиражом распространяются по селам Ленинградской области афиши, извещающие колхозников и колхозниц об интереснейших темах популярных лекций, которые читаются для них по радио каждый четверг ленинградскими учеными — членами Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.

Инициаторы и организаторы этого полезного дела — Ленинградское отделение общества и ленинградский Радиокомитет.

Цикл радиолекций для крестьян «Что говорит современная наука о вселенной и происхождении человека» уже начался. Прочитаны лекции о строении вселенной (д-р физ.-мат. наук Лебединский), о происхождении Земли и небесных светил (д-р физ.-мат. наук Шаронов), о великих явлениях природы (проф. Прянишников). Колхозники получили ответ на вопросы о том: как движутся небесные светила? Что происходит внутри Солнца и звезд? Как изучает наука то, что произошло миллиарды лет назад? Как наука помогает людям в борьбе со стихийными явлениями природы, почему эти явления вызывали раньше страх у людей? Можно ли заранее предвидеть некоторые явления природы?

В ближайшие четверги будут прочитаны лекции о возникновении жизни на земле, об истории развития жизни, о происхождении человека, о науке и суевериях.

Кроме этого полезного дела и обычной лекционной работы, Ленинградское отделение общества подготовило к чтению два юбилейных цикла публичных лекций.

В связи со 100-летием со дня смерти В. Г. Белинского, в апреле—мае в ленинградском Доме ученых состоятся лекции на темы: «В. Г. Белинский и его эпоха», «Эстетика Белинского — новый этап в мировом искусстве», «Белинский и задачи советской критики» и др.

В марте—апреле в связи со 125-летием со дня рождения А. Н. Островского в ленинградском Доме искусств общество организует чтение лекций о драматургии Островского: «Островский и русский театр», «Островский на советской сцене».

Работа Ленинградского отделения общества говорит о том, что ленинградская научная и литературная общественность, об'единенная в его рядах, может служить примером инициативы и активности в деле распространения политических и научных знаний среди нашего народа.

По Советскому Союзу

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

⊙ **Выходит из печати третий том труда** профессора М. Гернет «История царской тюрьмы». За первые два тома этого труда автор был удостоен Сталинской премии.

В третьем томе впервые публикуются неизвестные материалы о подготовке покушения на Александра III, в котором принимал участие Александр Ульянов.

⊙ **Новые материалы из биографии Николая Островского** обнаружены в архивах Берездовского районного партийного комитета Каменец-Подольской области. Материалы относятся к деятельности Н. Островского в 1923 году, когда он был секретарем Берездовской районной комсомольской организации. Среди вновь найденных документов — протокол общего собрания членов и кандидатов КП(б)У Берездовского района о принятии Н. Островского кандидатом в члены КП(б)У «как самого выдержанного и стойкого члена комсомола».

⊙ **3.000 культурно-просветительных учреждений** построено и восстановлено в Белорусской ССР. В 1948 году только в западных областях республики будет открыто еще 200 клубов и домов культуры.

⊙ **1250 клубов, домов культуры,** изб-читален, 150 библиотек работают сейчас в Молдавской ССР.

⊙ **Историко-медицинское общество** организовано в Ленинграде по инициативе академика К. Быкова. Цель общества—создание подлинно научной истории отечественной медицины с древних времен до наших дней.

⊙ **Областные совещания молодых писателей** провели ЦК ВЛКСМ и Союз советских писателей СССР в Молотове и Смоленске.

⊙ **Весенний «Праздник песни»** впервые будет проведен в этом году школьниками Московской области. Хоровые коллективы разучивают песни советских композиторов и старинные русские народные песни. В Ухтомском районе создается сводный хор в составе 12.000 человек.

⊙ **Изучение фольклора Туркменистана** проводит Институт языка и литературы Туркменского филиала Академии наук СССР. Об'ем записей устного народного творчества, собранных в прошлом году, составляет 30 печатных листов прозы и свыше 25 тысяч строк стихов.

⊙ **Восстановлена областная библиотека** в Калининграде. Шестиэтажное здание оборудовано новейшими техническими приспособлениями, под'емными механизмами. Хранилище библиотеки рассчитано на два миллиона экземпляров книг.

М. ЛЫНЬКОВ

На подступах к важным темам

За последние год-полтора в белорусской прозе наметился заметный поворот к важным и актуальным темам современности. Вышло несколько повестей, роман, много рассказов и очерков о послевоенном строительстве колхозной деревни, о крупнейших новостройках страны, о героической борьбе белорусских партизан.

Несомненно положительное явление — повесть М. Последовича «Теплое дыхание». Писатель ставит чрезвычайно важную тему индустриализации республики. Он стремится показать новое пополнение рабочего класса Белоруссии, которое пришло в промышленность с началом строительства таких гигантов послевоенной пятилетки, как белорусские автомобильный и тракторный заводы.

Писатель сумел передать всенародный характер стройки, всеобщую заинтересованность в ней. Ему, несомненно, удались образы молодых рабочих — Саламаки, Семена Березки. Они жизненны, убедительны, запоминаются читателем. Радует атмосфера моральной чистоты в отношениях молодых рабочих, их товарищеская взаимопомощь, трудовой энтузиазм.

Но многое в повести осталось невыявленным, художественно незавершенным. М. Последович не смог показать специфику строительства именно автомобильного, а не какого-либо другого завода. Стахановское движение он свел к рекордам одиночек.

Из крупных произведений следует остановиться на первой книге романа А. Стаховича «Под мирным небом».

А. Стахович стремился показать социалистических людей нашей деревни с их новыми моральными качествами, приобретенными за годы советской власти. Таковы герои романа Борозна, Малоземов, Гаша, второстепенные персонажи—Ковшик, Красан, Клим.

Но автор не справился со своей задачей. Высокий идейный замысел не нашел в произведении должного художественного выражения. В книге выведены демобилизованные фронтовики-коммунисты. Это передовые, активные, сознательные люди. Но об их качествах — идейности, энергии— мы узнаем только из об'яснений автора и реплик отдельных персонажей. Художественно эти образы не раскрыты, не показаны отношения бывших фронтовиков с колхозниками, влияние коммунистов на жизнь села.

Писатель не смог обобщить интереснейшие явления нашей действительности, раскрыть то новое, гармоническое сочетание личных и общественных интересов, которое характерно для социалистического человека. В романе нет ярких картин восстановления колхозной деревни. В конце романа читатель внезапно узнает, что более сотни семей колхозников переселились из землянок в дома, что в колхозе уже есть кузница, животноводческая и птицеводческая фермы, введен девятипольный севооборот. Но успехи эти поданы автором, как некое бухгалтерское сальдо, арифметический привесок к произведению.

В книге не показан процесс становления основных героев. Только из разговора второстепенных персонажей читатель узнает, что Малоземов избран секретарем колхозной парторганизации. В деревне состоялось партийное собрание, но как оно проходило, о чем говорили его участники,—неизвестно. Мартина Борозну колхозники избрали председателем артели, но и это подается, как уже свершившийся факт.

Чрезвычайно обеднены в романе образы женщин. О Мальвине, которая, судя по замечаниям других персонажей, много сделала для колхоза в первые месяцы после войны, сказано крайне мало и скупо.

Автор не только показал труд женщин, но и обеднил их духовный мир. Они живут в романе, главным образом, интересами семьи, в лучшем случае — своего звена или фермы. Больше всего их волнуют любовные переживания.

Незаслуженное внимание уделил автор образу Левидоры. Во время войны она изменила мужу, Малоземову, и сошлась с предателем Клещевичем. Отношениям Клещевича и Левидоры автор отводит пятую часть книги, заслонив Левидорой образы передовых колхозниц, настоящих советских людей — творцов нашей действительности.

Автор романа уклонился от правдивого показа трудностей восстановления колхозной жизни, а между тем эти трудности, порожденные войной и немецкой оккупацией, были велики, и в преодолении их советские люди проявили высокий героизм. Уклонение от этой темы привело А. Стаховича к лакировке действительности, к снижению идейно-воспитательной роли произведения.

«Под мирным небом» может стать полезной книгой, но для этого необходимо, чтобы автор основательно поработал над романом, проявил крайнюю требовательность к себе.

В конце прошлого года была опубликована документальная повесть В. Кравченко «Ригор Шибаев», посвященная жизни и боевой деятельности выдающегося белорусского партизана, Героя Советского Союза Григория Токуева и его соратников. Требовать от автора художественного вымысла, творческой фантазии в данном случае неуместно, но мы вправе ждать от него полнокровного, зрелого литературного произведения. Этого не произошло. В повести не отображена руководящая роль командира и комиссара, не показана органическая связь партизан с населением и Советской Армией, статичен образ основного героя.

Автор зачастую скрупулезно выписывает второстепенные детали и в то же время скупо говорит о таких событиях, которым следовало бы посвятить не только страницы, но и целые главы.

Штаб партизанского соединения решил осуществить крупную диверсию — взрыв железнодорожного моста на реке Птичь. По масштабам и стратегическому значению это важная операция. Казалось бы, здесь-то и следовало подробно рассказать о подвиге партизан, раскрыть характеры, психологические переживания. Но вот что читатель находит в повести:

«Бой за мост продолжался около трех часов и завершился полным разгромом гарнизона охраны. Подрывники взорвали самый главный, средний устой, и железные фермы моста разорванным на куски костяком свалились в воду».

Даже реляции и рапорты пишутся подробней. Во всяком случае в них упоминаются живые люди, их действия. А писатель ограничился двумя равнодушными фразами.

Этот пример характерен для всей повести. Автор пользуется приемом поверхностного описательства. Он как бы приковывает себя к факту, слепо идет за ним и оказывается в плену самой обыкновенной фактографии.

Интересны две повести молодого писателя Т. Хаткевича «Братство» и «Веснянка». В первой изображены советские люди, попавшие в немецкий плен. Ни страшные мучения, ни ежедневная угроза смерти не сломили их волю, не убили страстного стремления к свободе и борьбе. Советские люди вливали бодрость в сердца других узников фашистской каторги, вселяли уверенность в победе над врагом. Повесть проникнута глубоким чувством советского патриотизма, чувством интернационального братства трудящихся. В ней много интересных событий и фактов, тонких наблюдений.

«Веснянка» посвящена теме восстановления разрушенного немцами колхоза. Здесь главное место отведено образам колхозниц, в том числе двух звеньевых — Василины и Аксиньи, соревнующихся в борьбе за получение высокого урожая. Только напрасно автор привнес в их отношения нотки зависти и неприязни, проявляемые Аксиньей; это искажает самое существо социалистического соревнования. Недостаток повести и в том, что она перегружена второстепенными, безликими персонажами, побочными деталями и фактами.

Сочувственно встретила белорусская общественность появление первой части повести «Глубокое течение» И. Шемякина, рассказывающей о борьбе белорусских партизан. Радует первая повесть молодой писательницы Е. Василевич «На просторах жизни» — о возвращении советских воинов с фронта. Правда, в повести заметны различные литературные влияния, даже заимствования. Но она подкупает искренностью, лирической теплотой, глубокой любовью к советским людям и свидетельствует о незаурядных способностях автора.

В минувшем году белорусская проза обогатилась большим числом новых рассказов, очерков. Показу послевоенной жизни в колхозе посвящены лучшие рассказы И. Мележа «Перед грозой» и «Павел приехал». На эту же тему написаны рассказы А. Кулаковского «Белое болото» и «Ольгина правда». Чувствуется, что оба автора хорошо знают материал, остро ощущают новое в жизни послевоенной деревни. Интересна книга рассказов Я. Брыля. В «Одном дне», «Казачке», в очерке «Неманские казаки» мы находим правдивое изображение борьбы белорусских партизан. Содержателен и оригинален его рассказ «Лазунок», повествующий о жизни городской ремесленной молодежи.

О творческом росте молодого писателя Н. Лупсякова говорит его рассказ «Степан Иванович», посвященный самоотверженной работе сельского врача. Н. Лупсяков написал также книгу для детей. Но эти рассказы, к сожалению, в большинстве своем примитивны, ситуации в них неинтересны, концовки однообразны.

Даже из краткого обзора белорусской прозы за 1947 год виден ее рост. Однако творчество наших прозаиков все еще отстает от требований, пред'являемых жизнью. Белорусские писатели еще не создали полноценных произведений, рассказывающих о нашей действительности, о тех колоссальных переменах в материальной и духовной жизни белорусского народа, в результате которых можно сказать, что мы уже не те белоруссы, какими были до Октября.

Нет у нас романов и повестей, в которых показывалась бы руководящая роль партии Ленина—Сталина в жизни белорусского народа, в создании им советской государственности, в мужественной борьбе с фашистскими захватчиками, в героическом труде по восстановлению разрушенного врагом хозяйства. Писатели Белоруссии не сумели создать правдивый, волнующий образ коммуниста.

Белорусские прозаики пока лишь на подступах к решению важнейших тем нашей современности. Настойчиво работать над проблемами жизненно важными, сделать белорусскую художественную прозу подлинно партийной, народной — наша основная задача.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Когда же мы получим высококачественные клише?

Вопрос об улучшении качества полиграфической продукции, поднятый «Литературной газетой», глубоко взволновал и нас, работников местной печати.

Выпускать районную газету отличного качества, прекрасно оформленную, — наша повседневная забота. С этой целью мы используем в газете разные клише, выписанные нами из Москвы, от Пресс-клише ТАСС. Но, увы... Эти клише только портят газету: оттиски получаются грязные и искаженные. Пресс-клише ТАСС высылает абонентам клише-пластинки покоробившиеся, с едва заметными изображениями.

В прошлом году газета «Культура и жизнь» (от 30 марта № 9) резко критиковала фотохронику ТАСС. Однако до сих пор ничего не изменилось.

Когда же мы получим высококачественные клише?

Может быть, на этот вопрос нам ответят товарищи из Пресс-клише?

Р. ТУХВАТУЛЛИН,
ответственный секретарь районной газеты «Кзыл-юл», Кзыл-юлского района, Татарской АССР.

Американский произвол в Триесте

«БЕСПОРЯДКИ» В ТРИЕСТЕ

«СВОБОДА СЛОВА»

«СВОБОДА ЛИЧНОСТИ»

В качестве одного из основных мотивов пребывания американских войск в Триесте командование США выдвигает необходимость «поддержания порядка». О том, как американские власти осуществляют эти функции по «поддержанию порядка», весьма красноречиво свидетельствуют три фотографии, взятые нами из «Национальной полицейской газеты», издающейся в США.

На первом снимке — агент американской военной полиции избивает резиновой дубинкой демонстранта.

На втором снимке — два американских солдата в рабочем квартале предместья Триеста — Санто-Джакомо преследуют итальянца за то, что он посмел выразить свои симпатии Югославии.

На третьем снимке — один из жандармов-четников, пользующихся особым покровительством американцев, свалил оглушенного им демонстранта и целится в него из карабина.

Кровавое хозяйничанье американских колонизаторов в Триесте дает ясное представление о «доктрине Трумэна» и «плане Маршалла» в действии...

БИБЛИОТЕКА—ЦЕНТР МАССОВОЙ РАБОТЫ С ЧИТАТЕЛЯМИ

НОВОСИБИРСК. (Наш корр.). Каждую среду Новосибирская областная библиотека совместно с филиалом Общества по распространению политических и научных знаний, устраивает литературно-художественные вечера или читательские конференции. Тематика «сред» необычайно разнообразна.

Наибольший интерес вызывают у местной общественности доклады и лекции о жизни и деятельности великих вождей советского народа — В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Очень популярны также «среды», посвященные темам: советская культура за 30 лет, вклад советских ученых в мировую науку, работа с книгой, культура устной речи, вопросы международной политики, новости науки и техники, новые книги.

Многие вечера Новосибирской библиотеки носят краеведческий характер. На одном из таких вечеров писатель А. Коптелов рассказал о 25-летнем пути журнала «Сибирские огни», доцент В. Фаворин прочитал лекцию «Литературный язык и местные говоры», художник И. Титков — лекцию «Сибирские художники».

Литературно-художественные вечера Новосибирской библиотеки посвящались творчеству А. Пушкина, А. Герцена, Л. Толстого, Н. Некрасова, Н. Гоголя, М. Горького, В. Маяковского, М. Шолохова, А. Толстого. Интересно прошла «среда» на тему «Могучая кучка» и ее мировое значение».

Многие вечера сопровождаются концертами, в которых принимают участие лучшие артистические силы города.

* * *

УЛЬЯНОВСК. (Наш корр.). Недавно в городском Дворце книги был проведен 60-й литературный «понедельник». Вечера посвящаются обычно виднейшим классикам русской литературы, советским писателям, ученым, художникам, композиторам.

В 1948 году намечено провести вечера, посвященные 300-летию Ульяновска (Симбирска), творчеству М. Горького, И. Гончарова, А. Чехова и современных писателей— А. Твардовского и В. Пановой.

* * *

ВИННИЦА. (Наш корр.). В городе Брацлав, Винницкой области, библиотека была сожжена фашистскими варварами. Сейчас она восстановлена, но книжный фонд ее явно не удовлетворяет культурных запросов городского населения.

Сотрудники библиотеки решили проводить литературные вечера. Первый вечер был посвящен творчеству А. Фадеева. Учительница брацлавской средней школы Л. Гут сделала доклад о литературной деятельности писателя.

Вечер привлек внимание всей городской общественности.

Борис ГАЛИН

НИТЬ ЖИЗНИ

ПИСЬМА С «ПРОЛЕТАРКИ»

В сумерках быстро угасающего зимнего дня я увидел высокие окна электростанции и медленно плывущие по стальным тросам вагонетки с торфом. Я перешел по мосту, переброшенному через речку, зажатую в узких берегах, и, войдя в фабричный двор, услышал ровный, ни на минуту не стихающий гул прядильных машин.

Я не сразу узнавал старые, знакомые места — война сильно изменила «Пролетарку»; стены сожженных немцами корпусов зияли черными окнами, в других корпусах, уже восстановленных, текла обычная будничная жизнь.

Давно мечтал я об этой поездке. Девятнадцать лет тому назад — осенью 1929 года — я был впервые на «Пролетарке», и теперь встречи с ткачихами, прядильщицами, мастерами воскресили предо мной былое, то, что стало историей.

В партийном комитете фабрики я встретил прядильщицу Марию Федоровну Таврунову, поседевшую, но попрежнему живую, активную.

Это она, Мария Федоровна, одна из первых на фабрике сломала старые нормы и совершила переход с двух сторонок на четыре сторонки, с 320 веретен на 640. «А перейдя на 640 веретен, я опять не успокоилась и сказала механику — прибавьте скорость».

Весной того года в Твери произошло событие, которое всколыхнуло жизнь ткачих и прядильщиц. 8 апреля 1929 года в Тверь приехали текстильщики из Москвы, с Трехгорной мануфактуры и из Иваново-Вознесенска. На «Пролетарке» был подписан договор о социалистическом соревновании, — в историю фабричной жизни он вошел как **договор тысяч**. Об этом договоре тысяч, о производственной перекличке заводов и фабрик поведала в те дни Е. Микулина в своей книге «Соревнование масс».

«Едва ли можно сомневаться, — писал в предисловии к этой книге товарищ Сталин, — что одним из самых важных фактов, если не самым важным фактом, нашего строительства является в данный момент широко развертывающееся соревнование миллионных масс рабочих. Соревнование целых фабрик и заводов самых разнообразных углов нашей необ'ятной страны; соревнование между рабочими и крестьянами; соревнование между колхозами и совхозами; закрепление этой массовой производственной переклички в специальных договорах трудящихся, — все это такие факты, которые не оставляют сомнения в том, что социалистическое соревнование масс уже вступило в силу».

Обобщая практику, думы народа, Иосиф Виссарионович указывал, что соревнование есть **коммунистический метод строительства социализма** на основе максимальной **активности** миллионных масс трудящихся.

Много лет прошло с тех пор. Была война, но нить жизни не прерывалась ни на минуту. Даже зимой 1941 года, в те семьдесят два дня, когда немецкие оккупанты хозяйничали в фабричном поселке «Пролетарки», даже и в эти страшные дни нить жизни не прерывалась. Немцы разрушили все богатства, созданные многими поколениями ткачей. Они разрушили ткацкие станки и прядильные машины, сожгли фабричные корпуса, вывели из строя электростанции, уничтожили на «Пролетарке» огромные материальные ценности.

Но одного не сумели достигнуть немцы, — прервать нить жизни, тянувшуюся сквозь поколения советских людей от первых лет Великой Октябрьской социалистической революции.

Да, постарела, поседела Мария Федоровна Таврунова. Вокруг нее и ее сверстниц — ветеранов фабрики, — поднялось новое молодое племя труда. И когда слушаешь, что говорят о своей жизни эти молодые люди, — широкая светлая картина нашей жизни, весь путь народа, встает перед глазами...

* * *

Вот что рассказала мне Клавдия Жукова.

Так я живу — работаю в третьем комплекте на тридцати двух станках и соревнуюсь с Сапуновой Евдокией Борисовной.

Вот мой договор: «Я, ткачиха комплекта № 3, Жукова Клавдия Петровна, следуя почину ленинградских рабочих, вступаю в социалистическое соревнование за досрочное выполнение сталинской пятилетки». Дальше идут мои обязательства: снизить брак, уменьшить простой станков, убыстрить темпы вязки узлов, в общем работать на высоких скоростях. А главное—это, конечно, выполнить пятилетку в четыре года.

Писала я договор вот в этой комнате № 135, где жили мои отец и мать, где я родилась и где родилась моя дочка Галя.

Это мой индивидуальный договор на социалистическое соревнование. Он потому, я думаю, и называется индивидуальным, что человек вкладывает в него что-то свое, личное.

Что я думала, что я переживала, подписывая договор о социалистическом соревновании? Это, знаете ли, вопрос не такой уж простой, на него трудно сразу ответить. Посмотрите на ткацкий станок, когда он в работе, посмотрите, как движется батан на станке, как он подвигает пряжу к основе, нить к нити, нить к нити. Это называется—прибой нитей к основе. 170 движений батана в минуту. Мы ставим перед собою задачу,—и это заслуга помощника мастера Балашова,—повысить количество движений батана, давать сто восемьдесят, сто девяносто движений в минуту.

Вот так и моя жизнь, жизнь стахановки, она, как нить к нити, примыкает к жизни других ткачих нашего стахановского комплекта.

Вот сравните мой договор и договор молодой работницы Пани Солнышкиной. Условия соревнования одинаковые, и цель, которую мы перед собою поставили, тоже одна: во что бы то ни стало выполнить пятилетку в четыре года. Но каждая из нас идет к этой цели своими путями. Договор нужно уметь читать между строк: тут и желание поднять производительность, тут и мечта проявить себя в труде, тут, можно сказать, душа, характер человека.

Я — стахановка призыва 1935 года. Ниточка моей стахановской жизни тянется от тех времен, когда в Донбассе Алексей Стаханов добился высокой выработки, и от того дня, когда две наши работницы, прядильщица Шевалева и ткачиха Абрамова Ксения Федоровна, вернулись со стахановского совещания в Кремле и сказали нам, что суть соревнования в том, чтобы итти вперед быстрыми темпами.

Мать моя, Пелагея Ивановна Жукова, была ударницей первой пятилетки. Я в ту пору совсем малолеткой была, когда у нас на «Пролетарке» подписали договор тысяч. Это она, ткачиха-ударница, подтолкнула мою мысль, чтобы работать быстрее, по-ударному. Потомственная ткачиха, 55 лет проработавшая на «Пролетарке», она учила меня ткацкому делу. Сама она работала на широких двухаршинных платтовских станках. Волосы у нее были черные, на зачес, и песни петь она была мастерица. Я вспоминаю, как она работала: метод, стиль, или, как мы говорим, «повал работы» у нее был быстрый, живой. Это она отдала меня по броне подростков на фабрику.

Я была очень живая и бойкая девочка, и, видя мои способности, администрация перевела меня в ткацкую. Мама отвела меня в девятый зал к своей подруге ткачихе Анне Петровне. Она работала «на четверке» — на четырех платтовских станках. Училась я у Анны Петровны, а всего больше все-таки у своей матери. Быстрота у нее была в руках; как вьюн, она вертелась у станков. Девочкой я приглядывалась к ней,—как вязать ткацкие узлы. Этому она меня учила дома. Даст мне нитку, я кладу нитку крест-на-крест, обвязываю ее вокруг большого пальца и затягиваю. Вот и получается ткацкий узел. Вязка узла—это главное в нашем деле. Нужно уметь быстро вязать узлы. По норме полагается устранить обрыв нитей и связать узел за 35 секунд. У меня уходит на это двадцать четыре секунды.

Сначала я работала на двух станках, потом на трех, училась на профтехнических курсах, изучала теорию и технологию ткачества, — стала я ткачихой со знаниями. Я уже не просто ткала пряжу, а знала, как выращивается хлопок, сколько труда в него вкладывает ферганский колхозник, как этот хлопок приходит к нам на фабрику, его разрыхляют, пропускают через машины, вырабатывают из него пряжу, и эта пряжа поступает к нам на ткацкие станки.

В тридцать пятом году я сдружилась с Ксенией Федоровной Абрамовой, прекрасной ткачихой, и, следуя ее примеру, перешла на сверхтиповое уплотнение—сначала на 24 станка, потом на 48.

Осенью сорок первого года немцы ворвались в Калинин. Я взяла на руки свою маленькую дочь Галю и вместе с мамой, вместе с сотнями других ткачих и прядильщиц ушла от немцев за реку Тверцу. Семьдесят два дня я жила за Тверцой в деревне близко от фабрики, но вечерам выходила на край села и смотрела в сторону родной «Пролетарки». Помню, в декабре ночью я услышала скрип колес по снегу. Набросив на голову платок, я выбежала из дому и увидела наши войска, шедшие в сторону Калинина. Я спросила одного из бойцов: «Скажи, дорогой товарищ, если это не военная тайна, скажи, говорю, на Калинин идете? «Пролетарку» освобождать будете?» Он глянул мне в лицо, ничего не сказал, только голову наклонил: да.

А когда освободили Калинин, я в тот же день взяла Галю, и мы пешком пошли к своей «Пролетарке». И мама шла с нами, не отставала. Пришли мы в свой дом, двери нашей комнаты были раскрыты настежь, водопроводные трубы замерзли. Самое страшное было то, что нашей «Пролетарки» больше не существовало. Все было взорвано, сожжено, обрушено, один зал сохранился на ткацкой фабрике и один зал на прядильной. Стоит наш пятый цех с разбитыми стенами, снегу в цехе—по колено. А станки, какие сохранились, лежат заброшенные на фабричном дворе.

Наше горе вы поймете, если я вам скажу, что до войны у нас было 160 тысяч веретен и свыше 4 тысяч станков.

Что же нам было делать? Ждать, когда окончится война и мы получим новые прядильные машины и ткацкие станки? Такая мысль даже в голову нам не пришла, мы приняли другое решение: из обломков прядильных машин отобрали сохранившиеся веретена, из обломков ткацких станков смонтировали годные станки. Позже прислали нам веретена и станки из Ферганы, с Поволжья, но первые станки мы собирали сами. У нас в ткацкой условия были более или менее сносными, над головой крыша, лишь окна забиты железом и фанерой. А в прядильной и крыши не было. Вместо крыши натянут брезент.

Бригадиром был у нас Илья Федорович Балашов. В бригаду входили Ксения Федоровна Абрамова, я и другие ткачихи. Подсчитали мы свои резервы: откуда что взять, какие станки пустить в ход—и заключили между собою договор на соревнование. Одна мысль была в договоре: пустить ткацкие станки, скорее пустить. И одна мечта была в договоре: дожить до того дня, когда заработает хотя бы один станок. Как мы тогда работали! Откуда только силы брались... В цехе темно—окна забиты железом, досками, холодно—до станка нельзя рукой дотронуться, на железных листах разложены костры, чтобы люди могли отогреть окоченевшие руки. Погляжу я на своих подруг, на молодых и старых ткачих—никто, буквально никто со временем не считается и никто не думает о себе, а думают все о фабрике.

Придешь домой, а мать спрашивает: «Когда же, Клавдия, пустите ткацкую?» По правде сказать, трудно, очень трудно нам тогда жилось. Оглянешься на прошлое, на сорок второй год, вспомнишь все, что было сделано тогда руками женщин, и с гордостью думаешь: хороший, упорный у нас народ. Я бы памятник поставила во дворе фабрики нашим женщинам, или, как в старом понятии произносится, бабам, за то, что они все вынесли, все трудности преодолели и своими руками подняли из руин часть цехов ткацкой и прядильной. Сколько ни буду жить, а всегда буду помнить тот день, когда мы пустили первые ткацкие станки. Вернулась я домой поздно. Глянула мать мне в лицо и обрадовалась: догадалась!

И тут наступил новый этап в моей жизни, начались мои переживания. Я хотела бы выразить одну мысль, которая как будто прямого отношения не имеет к нашему разговору, но без нее вам не будет ясно, о чем я думала, когда подписывала социалистический договор. Ткачихе, привыкшей к высоким скоростям, скучно жить без соревнования. Я вам даже больше того скажу, я не представляю себе, как можно жить, не соревнуясь.

Дошли до нас слухи о том, что в Орехово-Зуеве ткачиха Мария Волкова перешла на уплотненную работу. Узнала о ней подробно и вижу: обыкновенная жизнь. Знакомлюсь с биографиями других выдающихся людей нашей профессии и вижу: обыкновенные жизни, даже какие-то общие черты имеются у всех, черты, которые можно найти и среди ткачих нашей фабрики. Зависть меня взяла или, вернее, не зависть, а какое-то другое чувство. Какое—я вам сейчас и об'яснить не сумею. «Вот где-то на других фабриках, думаю я, люди переходят на сверхтиповое уплотнение, вот где-то разгорается искра соревнования, а разве мы на «Пролетарке» не умеем ценить время, разве мы не умеем считать время на минуты, на секунды?»

И переговорила я на эту тему с Ксенией Федоровной Абрамовой. Почему я советовалась с Ксенией Федоровной? Она человек партийный, передовых устремлений. Когда-то до войны Ксения Федоровна первая совершила переход на сверхтиповое уплотнение, а в настоящий момент—инициатива моя. Почувствовала я поддержку в партийном комитете и решила перейти с 16 станков на 32.

Первое время, пока ритм не нашла, мне трудно приходилось. Такая работа требует ото всех добросовестности, приходилось иной раз кой с кем ссориться. По натуре я человек резкий, а самокритика, сами понимаете, кое-кому из администрации не нравится. Даже мой помощник мастер Балашов, хоть и уважает меня как ткачиху, а моя прямота и резкость ему не всегда по душе. Другой раз мы с ним поругаемся, он молчит, и я молчу, а потом сам первый заговорит, потому что по справедливости видит, что я не о себе забочусь, а о комплекте, о бригаде, о фабрике.

Но когда я освоилась с новыми темпами — стало легче. Тут вслед за мной еще девять ткачих перешли на сверхтиповое уплотнение. Девять ткачих — это уже сила.

И эту силу я почувствовала, когда однажды приехала в Москву и в клубе Трехгорной мануфактуры слушала лекцию прядильщицы Нины Соловьевой о ее методе стахановской работы. Со мною была наша ватерщица Бойкова, тихий, скромный человек, потянувшая за собою всю прядильную фабрику. Начинаются прения, и один из руководящих работников нашего министерства говорит Бойковой: «Козыряй, Мария Федоровна». А она отвечает: «Робею». Так и не выступила. Очень жаль! А ей было что сказать. И не только за себя, но и за всю «Пролетарку» сказать — как мы в условиях военного времени стали возрождать свою фабрику.

После лекции я пошла в ткацкий цех Трехгорки повидать Наталью Дубягу, передовую стахановку Трехгорки. Около часа я смотрела, как Наташа работает, прием у нее быстрый, по маршруту она точно ходит.

Всегда хочется увидеть и подхватить хорошее у других и не только подхватить, но и свою инициативу проявить.

И тут я перехожу к самому главному. В моем договоре говорится, что я буду оказывать товарищескую помощь другим ткачихам. И я эту помощь оказала Пане Солнышкиной. Однажды, вижу, стоит в ткацкой инженер Козырев. Меня удивило выражение его лица. Всегда такой озабоченный, всегда тревожится за отсутствие пряжи, а тут—улыбается, весь словно светится. Завидел он меня и подзывает: «Смотри, говорит, видишь, как она красиво работает?» Я смотрю на Паню Солнышкину и вижу: действительно, очень живо и проворно работает. Смотрю на нее,—и себя, свою молодость увидела. Потом побеседовала с нею, стала уговаривать ее перейти на сверхтиповое уплотнение. Паня допытывается, в чем секрет моей работы. Я отвечаю: «Секрета особого нет, а принцип имеется. Принцип такой: смотри на труд, как на доблесть, честь, геройство. Догоняй лучших и добейся общего под'ема».

Десять дней я поработала с Паней Солнышкиной, передавая ей свой «повал работы». Это особенное искусство. Со стороны может казаться, что ткачиха работает равнодушно, а на самом деле, если пристально вглядеться, можно заметить быстроту и живость. У хорошей ткачихи дело спорится, ладится, она не просто смотрит за станками, а идет строго по маршруту.

Я прихожу в цех раньше времени — за полчаса. Станки я принимаю у Пани Солнышкиной и стараюсь ни на секунду не сбавить взятого темпа. Солнышкина сжилась со мною, мы, как говорится, в одну руку работаем...

* * *

Я слушаю рассказ Клавдии Жуковой. Все, что изо дня в день растило трудовой опыт нашего народа, — встает передо мной в неторопливых словах моей собеседницы. Вот уже совсем погас зимний день, и мглистые сумерки за окном скрыли фабричный двор и стены корпусов со следами пожаров. Мерно гудят цехи, и радостно слышать эти звуки труда на земле, которая так недавно была полем войны.

Социалистический договор Клавдии Петровны написан на листке, вырванном из школьной тетради. В конце его рукою Евдокии Сапуновой написано: «Вызов Клавдии Жуковой принимаю и в свою очередь вызываю на соревнование Логунову».

Так от человека к человеку идут эти нити творчества.

Слушаешь ясные слова Клавдии Жуковой, слова простого советского труженика, и как будто сильный свет освещает их изнутри. Это встают за речью стахановки сталинские слова, сказанные в год великого перелома, слова, полные глубокой веры в творческие силы народа:

«Задача социалистического соревнования состоит в том, чтобы ...открыть широкое поприще для развертывания энергии и творческой инициативы масс, выявить колоссальные резервы, таящиеся в недрах нашего строя, и бросить их на чашку весов в борьбе с нашими классовыми врагами, как внутри, так и вне нашей страны».

Клавдия Жукова была девочкой, когда началась нить творчества—здесь на «Пролетарке» в 1929 году. Все, чем жили люди старшего поколения, передалось ей в труде, она наследница великого опыта, и вот уже сама она—зрелый человек, уважаемый в коллективе за славный и умный труд. Она сама теперь передает эту золотую нить в руки других, тех, кто моложе.

г. КАЛИНИН.

В. МЕДОВ

ВЕСНА В ПРАГЕ

В Праге все дышит ранней весной. Широким нескончаемым потоком несет вешние воды воспетая многими поэтами Влтава. По-весеннему оживлены и многолюдны улицы: пражцы наслаждаются чистым, свежим воздухом. Освежающий ветер, пронесшийся над древней чешской столицей и над всей страной в дни недавнего кризиса, очистил политическую атмосферу, проник во все уголки государственной, общественной и культурной жизни. Народ дышит полной грудью.

Открывшаяся на-днях Международная пражская весенняя ярмарка привлекла такое большое число посетителей, какого не видела ни одна из предшествовавших ярмарок. В погожий воскресный день здесь побывало 140 тысяч человек: жители Праги и граждане, приехавшие в столицу из других городов страны. Огромный интерес к нынешней ярмарке вполне понятен. По существу говоря, это смотр достижений национализированной промышленности, смотр первых успехов плановой системы хозяйства.

Несмотря на кампанию оголтелой клеветы, которую в последнее время столь усиленно ведет реакционная пресса Запада, распространяющая всевозможные клеветнические вымыслы о «коммунистическом терроре», якобы царящем в Чехословакии, на ярмарку прибыли сотни представителей деловых кругов из-за границы — из стран Центральной и Юго-Восточной Европы, из Скандинавии, Канады, Англии, Америки. Чехословацкие фирмы заключили большое количество сделок.

— Как же вы решились приехать в Прагу?—спросил я у одного скандинавца, рассказывавшего мне, какими дикими вымыслами о событиях в Чехословакии заполнена англо-американская печать.

— Мы, деловые люди,—ответил скандинавец, — давно научились должным образом читать американские газеты. Если они пишут, что «в Греции царит полная демократия», — значит, туда не показывайся; а если они уверяют, что «в Праге свирепствует коммунистический террор»,— значит, туда можно ехать без всяких опасений...

Нельзя отказать моему собеседнику в политической проницательности.

В февральские дни 1948 года в Чехословакии был, как известно, до конца разоблачен и обезврежен заговор об'единенных сил внутренней и международной реакции, направленный против республики, против нового народно-демократического строя. Народ выбросил за борт политической жизни кучку реакционеров и заговорщиков, которые замышляли превратить Чехословакию в опорную базу англо-американского империализма для борьбы против стран новой демократии, против Советского Союза.

Силы демократии, пришедшие в движение, одержали полную победу. 25 февраля президент республики Эдуард Бенеш, удовлетворяя требование народа, принял отставку министров-реакционеров и утвердил новый состав правительства Клемента Готвальда — правительства возрожденного Национального фронта. Трудящиеся Чехословакии настояли на том, чтобы места ушедших в отставку министров-реакционеров были заняты людьми, пользующимися доверием народа.

Февральские события способствовали бурному росту рядов компартии, укреплению ее влияния и авторитета в массах. Характерно, что только за одну неделю в компартию вступило около 190 тысяч человек! Ныне коммунистическая партия Чехословакии насчитывает более полутора миллионов членов.

Повсеместно широко развернули свою работу комитеты действия Национального фронта. В настоящее время Национальный фронт, как политическое олицетворение единства народа, руководит чисткой и контролирует деятельность различных партий и организаций.

Реакция не скрывала своих надежд на то, что новое правительство Готвальда потерпит неудачу при первом же своем представлении парламенту. Эту надежду лелеяли и иностранные реакционеры, покровители заговорщиков. Поэтому вполне понятно, что к заседаниям парламента, которые состоялись 10 и 11 марта, было привлечено всеобщее внимание. В эти мартовские дни в парламент прибыло немало иностранных дипломатов в качестве гостей. С раннего утра в кулуарах можно было видеть десятки иностранных журналистов, которые с нетерпением ожидали хотя бы малейшего повода для того, чтобы опорочить чехословацкую демократию, обвинить ее в нарушении законности и парламентских традиций. Но, увы! Все тот же благотворный демократический ветер освежил атмосферу и в парламенте. Здесь, как и везде, сказался тот бурный политический под'ем, каким охвачена сейчас вся страна.

Выступление Готвальда было выслушано парламентом с огромным вниманием и не раз прерывалось бурными аплодисментами. Представители всех политических партий выразили свою полную поддержку новому правительству Национального фронта. 11 марта программа нового правительства была единогласно одобрена всеми 230 депутатами парламента, присутствовавшими на заседании. И этот единодушный вотум ярко отразил то огромное и непререкаемое доверие, каким пользуется сейчас в широких народных массах правительство Готвальда.

Немного времени прошло с тех пор, как начало действовать новое правительство. Но им уже сделано немало. С 1 марта увеличена месячная норма выдачи хлеба населению на один килограмм. В апреле—мае, благодаря поставкам из Советского Союза, будет прибавлено еще полтора килограмма. Приняты законопроекты о повышении заработной платы служащим с 1 января, о снижении налогов с мелких и средних землевладельцев, а также с кустарей и ремесленников. Принят ряд других законопроектов, в том числе законопроект, предоставляющий право комитетам действия вновь возбуждать дела против коллаборационистов и предателей, которые избегли наказания в результате покровительства или попустительства бывшего министра юстиции Дртины. Возобновляют свою деятельность народные суды.

Перестраиваются и многие культурные и общественные организации. Подавляющее большинство чешских писателей и деятелей культуры становится под знамя народной демократии.

Февральские события изменили лицо и многих органов печати. Реакционные проамериканские и проанглийские газеты и журналы прекратили свое бесславное существование.

Газета «Свободне новины» была рупором заядлого реакционера и закоренелого врага Советского Союза Фердинанда Пероутки. Он, как и другие его единомышленники, находящиеся на службе у Вашингтона и Лондона, исключены из союза журналистов. Теперь «Свободне новины» стала органом синдиката чешских писателей. С ее страниц звучат голоса передовых писателей, деятелей науки, культуры, искусства, идущих в ногу со своим народом.

В стране кипит напряженный творческий труд. Дружными усилиями отмечает народ историческую победу над внутренними и внешними врагами. Металлисты Праги, горняки Кладно, Моравской Остравы, Моста, машиностроители Пльзеня, Братиславы и других промышленных центров стремятся досрочно выполнить план 1948 года к 25 октября — к тридцатилетию независимости Чехословакии.

21 марта миллионы трудящихся, по призыву Центрального комитета действия Национального фронта, станут на народную вахту и отработают в дар республике миллионы часов. В этот воскресный день будет работать вся страна, в том числе и парламент, который рассмотрит законопроект о земельной реформе. Так творческим, созидательным трудом народы Чехословакии закрепляют победу демократии.

ПРАГА. 19 марта. (По телефону).

Книжный фонд научно-технической библиотеки Кузнецкого металлургического комбината (Кемеровская область) достигает 210 тысяч томов. Библиотека имеет 14 цеховых и 7 рудничных филиалов. Количество читателей превышает 7.000. Ежегодно библиотека выпускает свыше 300 библиографических справок по тематике производства.
НА СНИМКЕ: новое книгохранилище научно-технической библиотеки. На переднем плане — директор библиотеки и ее организатор Н. А. Лабеева (слева) и старший библиотекарь В. Тропина. Фото В. ЛЕЩИНСКОГО (Фотохроника ТАСС).

Искаженный Белинский

Приближается столетняя годовщина со дня смерти В. Г. Белинского. Нет нужды говорить о той огромной всенародной любви и популярности, которыми пользуется в нашей стране великий русский критик.

Раскрыть неисчерпаемое духовное богатство, заключенное в его произведениях, правдиво показать его историческую роль— задача советских литературоведов.

Среди последних работ о Белинском мы находим статью О. Горячевой «Был ли Белинский утопическим социалистом», опубликованную в «Ученых записках» Ленинградского университета.

Автор статьи стремится раскрыть сущность философских и общественно-политических взглядов В. Белинского. Но на деле О. Горячева лишь запутывает вопрос и грубо искажает облик великого критика.

Подводя итоги, О. Горячева считает доказанными следующие положения:

1. Белинский был убежден в том, что «руководящая, активная роль на данном этапе развития принадлежит «среднему классу» или средней буржуазии».

2. «Не отрицая революции и не считая ее бесполезной, Белинский все же полагал, что она пока еще не может принести угнетенным массам освобождения, ибо ее плодами воспользуется буржуазия».

Не веришь своим глазам! Пламенный революционер, непримиримый и последовательный боец, поражающий неукротимой силой и смелостью своей мысли, изображается в виде либерального филистера.

Идейный вождь своего времени, страстно переживающий судьбы Родины и всего человечества, обуреваемый непреодолимым стремлением активно, по-революционному вмешаться в ход исторических событий, характеризуется, как наблюдатель, готовый предоставить «руководящую, активную роль»... средней буржуазии!

О. Горячева исходит из некоторых высказываний Белинского в его письмах. Но разве допустимо строить какие бы то ни было выводы на основе отдельной выхваченной цитаты? Если такой метод вообще бесплоден, то особенно он порочен по отношению к Белинскому. Ведь идейное развитие Белинского шло необычайно стремительно. Как сказал Чернышевский, Белинский «до самой смерти своей... шел вперед».

Белинский видел не только историческую прогрессивность буржуазного развития, но и его глубокие противоречия. «Промышленность» для него — «источник... великих благ для общества», но одновременно и «источник великих зол». Белинский решительно выступал против политического господства буржуазии, заявляя, что «горе государству», во главе которого стоит «отверженная порода капиталистов». Во «владычестве капиталистов», по словам Белинского, «нет чувства национальной чести, национальной гордости».

Белинский мог еще противопоставлять «отверженной породе капиталистов», «огромных капиталистов» — «средний класс», включая в него и мелкую буржуазию, и демократическую интеллигенцию, и «людей, вовсе ничего не имеющих», так как не пережил уроков июня 1848 года. Подобно Белинскому в это же время Герцен противопоставлял «записной буржуазии» — «всех», а по сути тот же «средний класс». Под «средним классом» Белинский разумел таким образом вовсе не среднюю буржуазию, а вкладывал в это понятие иное, более широкое и демократическое содержание.

И если бы Белинский дожил до июньских дней 1848 года, он, несомненно, увидел бы решительную противоположность интересов всей буржуазии, с одной стороны, и пролетариата, с другой. Он убедился бы, что июньское восстание побудило буржуазию «вступить в открытый союз с феодальной монархией против народа» (Маркс).

В письме к Анненкову Белинский спрашивал: «где и когда народ освободил себя?» И опять-таки июньские дни впервые могли бы показать Белинскому, хотя и кончившуюся поражением, но самостоятельную революционную борьбу народа, пролетариата. Те сомнения в исторической активности народа, которые чувствуются в письме Белинского к Анненкову, были продиктованы стремлением поднять народ против угнетателей и эксплоататоров и проникнуты болью революционного демократа. А Горячева изображает Белинского нейтральным свидетелем будущих революционных событий, целиком полагающимся на медленное «просвещение» народа.

И это пишется об авторе «Письма к Гоголю», о революционном демократе, который уже в 1847 году замечал признаки назревания революционной ситуации и указывал, что если царское правительство не проведет крестьянской реформы, то вопрос этот «решится сам собою, другим образом, в 1000 раз более неприятным для русского дворянства. Крестьяне сильно возбуждены, спят и видят освобождение».

О. Горячева не только отрицает революционную сущность общественных взглядов В. Белинского, но и превращает его в... послушного ученика Гегеля «Его об'яснения общественной жизни основаны на идеях не утопического социализма, а Гегеля — на его диалектике», — заявляет Горячева, вступая тем самым в прямое противоречие с Герценом и Чернышевским, неизменно подчеркивавшими глубокую идейную самостоятельность Белинского. Герцен видел в Белинском лучший пример того, как ясный и реалистический «русский дух переработал Гегелево учение». Это замечание относится отнюдь не только к системе взглядов Гегеля, но и к его диалектике. Ведь, по словам Герцена, Гегель «оставлял в диалектической запутанности именно те вопросы, которые всего более занимали современного человека». Белинский критиковал гегелевскую диалектику с революционно-демократических и материалистических позиций.

Попытка О. Горячевой разобраться во взглядах Белинского оказалась несостоятельной. Горячева затушевала тот факт, что великий критик решительно отвергал западно-европейский буржуазный порядок; мало того, она еще приписала В. Белинскому готовность предоставить гегемонию буржуазии, хотя бы и средней. Тем самым выводы О. Горячевой привели ее чрезвычайно близко к старому, давно разоблаченному либерально-буржуазному истолкованию взглядов Белинского, как апологета буржуазного порядка. Что и говорить — незавидное соседство для советского исследователя!

Я. ЭЛЬСБЕРГ

О. Горячева. «Был ли Белинский утопическим социалистом». Ученые записки. Серия философских наук. Выпуск 1. Изд. Ленинградского государственного ордена Ленина университета. Л. 1947. 264 стр.

Н. СОКОЛОВ

НЕПРИМИРИМОСТЬ

Время действия пьесы Августа Якобсона «Борьба без линии фронта»—начальные годы эстонской буржуазной республики; место действия—провинциальный город в Эстонии. Но ошибочно было бы думать, что это произведение имеет лишь историческую ценность. Перелистайте свежие газеты и журналы, возобновите в памяти речи политических деятелей современной Англии и Америки, познакомьтесь со статистикой безработицы и забастовок в послевоенные годы, и то, с чем столкнетесь вы в пьесе Якобсона, предстанет перед вами, как живая иллюстрация ожесточенного наступления, которое вели и ведут на рабочий класс, на демократию капиталисты и их прислужники во всем мире, прикрывая свою волчью политику громкими словами о национальном единстве, об общих интересах.

В пьесе Якобсона рассказывается о борьбе рабочих крупного лесопильного предприятия со своим хозяином. Острота конфликта усугубляется тем, что основные герои «Борьбы без линии фронта» являются членами одной семьи.

Центральная фигура драмы—Тийт Кондор—выбившийся из низов денежный магнат. Когда-то «из протеста... из ненависти к богачам» он ушел в море, стал боцманом, потом штурманом, потом капитаном и, наконец, акционером пароходной компании. К началу действия Тийт Кондор—владелец лесопильни, человек, целиком охваченный жаждой наживы. И если, по выражению одного из действующих лиц, в его «социальном облике имеется еще много неоформленного, что подчас мешает правильно понять его» (речь идет о некоторых поступках Тийта, недостаточно последовательных с точки зрения прожженного капиталиста), то на наших глазах этот неофит в области классовой борьбы превращается в законченного эксплоататора и зверя. Он спокойно наблюдает, как избивают полицейские участников рабочей демонстрации, в том числе его родных братьев, молчаливо санкционирует гнусное убийство рабочих, организаторов забастовки, пытается натравить на родного отца своего племянника.

На другом конце социальной лестницы стоят братья Тийта — Петер и Сийм и сын Петера — Тоомас, потомственные рабочие, простые честные люди, с негодованием отклоняющие попытку Тийта подкупить их теплыми местечками на его лесопильне. «Мне до сих пор никогда не приходилось опускать глаза и отворачивать лицо перед товарищами»,—говорит Петер в ответ на предложение Тийта. И вдруг Петер Кондор, коренной пролетарий, превращается в глаза и уши своего хозяина... хотя бы этот хозяин и был его собственным братом...

Два других брата Кондора, Ханс и Самуэль, уже давно отошли от рабочей среды, но им не повезло так, как повезло Тийту: они не стали владельцами предприятий. Каждый из них находит место в жизни и политической борьбе «применительно к подлости». Самуэль по профессии—врач, по политическим убеждениям—социалист. Его основной лозунг—«побольше миролюбия и взаимного понимания»—прямо перекликается с заверениями фабрикантов о том, что, снижая заработную плату рабочим, они заботятся лишь о национальном благосостоянии республики. Его искренняя боязнь оказаться «замешанным» в политическом деле («как бы и ко мне не придрались... из-за моей революционности») — великолепный пример ханжества подобного рода политических обывателей и приспособленцев.

Зато ничем не прикрывает своего гнусного поведения Ханс Кондор. Назначенный владетельным братом на ответственную административную должность, Ханс шпионит, доносит, чтобы заслужить расположение хозяина. Он видит, что Тийт относится к нему с явным презрением, но ведь таким, как Ханс, нужно не уважение окружающих, а выгодное местечко, и в своем усердии этот лакей не останавливается перед самыми отвратительными методами расправы с рабочими (в свое время он побывал в рядах ку-клукс-клановских молодчиков и хорошо изучил их тактику).

Такова расстановка основных сил в пьесе. Среди ее персонажей мы находим энергичных борцов, подобных Петеру и Тоомасу, и таких, как Михкель Карм, который считает, что борьба за экономические требования не должна превращаться в политическую борьбу.

В лагере капиталистов наряду с недостаточно «последовательным» Тийтом Кондором А. Якобсон выводит фабрикантов Кангура и Суурорга, цинично излагающих своему младшему собрату символ веры истинного капиталиста.

«Красные подчеркивают классовую борьбу, и приходится сознаться: в этом их сила. Мы отрицаем ее и проповедуем национальное единство, принцип единой семьи, принцип «одной крови и одной плоти»; эта проповедь единодушия и добрых взаимоотношений составляет наше оружие, которым мы стараемся парализовать действие красного оружия... Но будет ошибкой, если мы и сами поверим своей проповеди, своим словам и... выкажем мягкость, уступчивость».

На эпизодических образах Сильви и Рудольфа автор показывает распад буржуазной семьи, моральное загнивание, которое несет с собой праздная жизнь. Такие фигуры, как Рудольф, тайно запускающий руку в отцовскую кассу, или Сильви, ставящая рекорды восемнадцатичасового танца и имеющая в другом городе комнату для любовных свиданий, достаточно типичны для современной капиталистической действительности. А третью дочь Тийта, бессловесную Эндлу, ждет судьба ее матери, робкого, приниженного существа.

В основных героях пьесы предстают перед нами образы двух лагерей современного капиталистического мира: эксплоататоров различных рангов с их многочисленными прислужниками, сидящими в редакторских креслах, полицейских участках или на скамьях социалистов в палатах и магистратах, и представителей борющегося рабочего класса, твердо верящего в свою конечную победу. Эта вера ярко выражена в словах Петера Кондора, обращенных к Тийту: «Разве ты не видишь, что ступеньки, по которым ты взбираешься наверх, прогнили, истлели?.. Вы считаете себя сильными, но не замечаете, что давно уже воняете падалью... Придет время, и мы всей пятерней, кулаком, кувалдой стукнем по вашим воротам!»

Пьеса Якобсона мало действенна, ее персонажи характеризуют сами себя и друг друга больше своими речами, чем своими поступками, и не случайно автор назвал свое произведение драматической повестью. Но главный конфликт выражен в пьесе с надлежащей резкостью, и основные образы, особенно лиц, принадлежащих к капиталистическому миру, удались автору. Они удались бы ему еще больше, если бы не неоправданное недоверие к зрителю, которое заставило писателя слишком часто прибегать к курсиву и к пояснениям отдельных поступков и высказываний героев. Хищническая, звериная сущность Кангура, Суурорга и Тийта Кондора предстала бы достаточно наглядно и без саморазоблачительных тирад этих героев, вроде: «Если вы волк,—вы должны нападать! Если вы змея,—должны жалить!.. Сентиментальный хищник — что может быть абсурднее?»

Подобные примеры чрезмерной «наглядности» и дидактичности, ведущие, в конечном счете, к схематизму и упрощению характеристик, в пьесе не единичны.

Следует отметить и примитивность, а порою искусственность отдельных мотивировок и сюжетных ходов, с помощью которых автор сталкивает на сцене действующих лиц, вводит одних, удаляет других. Не всюду достаточно выразителен и индивидуализирован язык персонажей. Но все эти недостатки могут быть устранены в процессе подготовки пьесы к постановке, и большая и важная тема, поставленная А. Якобсоном, зазвучит в спектакле еще более убедительно и сильно.

А. Якобсон. «Борьба без линии фронта». «Звезда», № 1, за 1948 год.

Американизированный роман Фейхтвангера

Т. МОТЫЛЕВА

Книжный рынок США обогатился ходкой новинкой. Это исторический роман Лиона Фейхтвангера «Гордая судьба».

Лион Фейхтвангер долгие годы пользовался славой передового писателя. Он одним из первых среди писателей Запада увидел в Германии зародыши позорной болезни фашизма. Он одним из первых рассказал миру правду о преступлениях гитлеровцев. Эта правда была во многом неполной: буржуазная ограниченность кругозора мешала писателю глубоко проникнуть в суть общественных отношений, вскрыть социальные истоки фашизма, наметить пути борьбы с ним. Но лучшие его книги, будь то «Успех» или «Семья Оппенгейм», привлекали читателя искренней ненавистью к гитлеровскому варварству.

Тревожится ли Фейхтвангер сейчас за судьбы Германии, которую заокеанские политики стремятся расколоть и превратить в свой военный плацдарм? Беспокоит ли его, что заклейменные им некогда нацистские погромщики откармливаются трумэновской Америкой для новых преступлений на территории нынешней Бизонии?

В основу нового романа Фейхтвангера положен общеизвестный исторический факт. Когда Соединенные Штаты начали войну за независимость, монархическая Франция из побуждений военного соперничества с Англией поддержала американцев. Людовик XVI долгое время опасался вступить в открытый союз с ними, и поэтому снабжение США французским оружием производилось под прикрытием фирмы Орталес и К°, во главе которой стоял известный писатель Бомарше. Представитель Соединенных Штатов во Франции Бенджамин Франклин должен был следить за поставками оружия и добиваться закрепления военного союза. Об этих событиях и повествует Фейхтвангер в своей книге.

Эпоха, избранная писателем, сама по себе крайне интересна. Это был канун Французской революции, когда во всем мире зашатались феодально-абсолютистские твердыни. Если бы романист хотел и умел правдиво раскрыть реальные жизненные конфликты, сложную расстановку общественных сил в один из поворотных моментов истории человечества, могло бы появиться повествование не только поучительное, но и актуальное. В книге на такую тему писатель мог бы показать роль народных масс, как движущей силы истории; он мог бы показать и то, как буржуазный, собственнический эгоизм уже на заре буржуазного общества оказывался фактором, враждебным подлинному прогрессу.

Но не такова направленность книги Фейхтвангера.

Фейхтвангер всегда рассматривал историю, как борьбу просвещенных личностей, носителей абстрактного идеала «разума» со слепым и темным «большинством». Однако в лучших своих романах он порою пытался преодолеть свои антидемократические предрассудки. Герои «Семьи Оппенгейм» и «Изгнания» иногда все же догадываются, насколько несостоятельны идеалы буржуазного гуманизма, и пытаются как-то связать свои усилия с борьбой народных масс.

Иные тенденции — в романе «Гордая судьба».

Противоречивой и двойственной рисует нам история фигуру Бомарше. Создатель бессмертного образа Фигаро, автор остроумных и едких комедий, в которых выразилась ненависть поднимавшегося «третьего сословия» к тунеядцам-аристократам, был в то же время ловким дельцом, авантюристом, спекулянтом. Достигая высот богатства и власти, он все больше приспособлялся к господствующему классу и, когда началась революция, оказался в лагере ее врагов.

Однако в изображении Фейхтвангера торгашеский эгоизм Бомарше мирно уживается с его свободолюбивыми идеями. Писатель передает мечты своего героя: «И вот вернется из Америки флот фирмы Орталес и К°, корабль за кораблем, и на каждом — векселя, и на каждом — товары, неимоверное множество товаров, — заслуженная награда за его идеализм и его хитрость...» По мысли Фейхтвангера, «хитрость» отлично совмещается с «идеализмом». И именно за хитрость, цинизм, изворотливость и прославляет он своего Бомарше. В буржуазном эгоизме он видит не тормоз, а, напротив, главный и вечный двигатель прогресса.

Это особенно наглядно можно проследить в трактовке образа Франклина. Известно, что этот выдающийся просветитель сыграл важную роль в идеологической подготовке американской войны за независимость. Однако в публицистике Франклина нашла выражение не только его враждебность к феодально-аристократическому миру, но и его вера в безграничные возможности буржуазного строя, проповедь мещанской расчетливости и благонамеренного стяжательства. Среди деятелей молодого американского государства он представлял не народно-демократическое, а скорее умеренно-буржуазное крыло.

В изображении Фейхтвангера фигура Франклина вырастает несоразмерно его действительному значению. В восторженно преувеличенных выражениях описывает романист влияние Франклина на французских современников. Фейхтвангер почти забывает об энциклопедистах, о всей блестящей французской плеяде борцов за политическое и философское свободомыслие. Наиболее передовым человеком в предреволюционном Париже оказывается у него американец Франклин, у которого французы почтительно учатся просветительскому уму-разуму.

И в то же время Фейхтвангер любит своего Франклина, как и своего Бомарше, именно за присущие ему буржуазно-эгоистические черты. Он восхищается Франклином, как носителем идей медленного, постепенного прогресса и либеральной веротерпимости. Он ценит Франклина не как борца за новый строй, а как человека, умеющего соблюдать свой личный интерес и «мудро» лавировать между новым и старым. Фейхтвангер находит вполне естественным, когда Франклин, узнав о взятии английскими войсками его родной Филадельфии, больше всего беспокоится о судьбе собственного дома и имущества; эта «гибкость» Франклина проявляется и тогда, когда при встрече с Марией Антуанеттой он успокаивает ветреную королеву: «Мы, американцы, вовсе не являемся принципиальными противниками монархии...» Так умеренность Франклина оборачивается беспринципностью, компромиссами; недаром Фейхтвангер заставляет своего героя размышлять о том, что история движется «иногда очень окольными путями...» В сущности, такой Франклин очень смахивает на иных современных американских политиков, которые ловко умеют приспособлять либеральную фразеологию применительно к подлости американского империализма.

Тенденциозно, в противоречии с исторической правдой представлены у Фейхтвангера сами Северо-Американские Штаты эпохи войны за независимость. Общеизвестно, что молодая заокеанская республика вовсе не была свободна от внутренних классовых противоречий, от грубых проявлений эксплоататорского произвола. Справедливо говорится в книге американского писателя-коммуниста Ховарда Фаста «Гражданин Том Пейн», посвященной той же исторической эпохе: «А ведь был там не только рынок для торговли рабами; были там и телесные наказания, и каторга, и невероятно гнилые тюрьмы, где должники и убийцы, мужчины, женщины и дети, сбитые в кучу, вместе заболевали и умирали...» А у Фейхтвангера родина умеренно-мудрого Франклина рисуется как некий земной рай, как законченное воплощение мечтаний человечества о счастье. И ни единым словом, ни единым намеком не напоминает романист о том, как резко расходились дела американских работорговцев и спекулянтов с теми принципами равноправия и гуманизма, которые были провозглашены в знаменитой Декларации независимости.

Любопытно, как «обыграна» в романе Декларация независимости. О ней упоминается не раз. Один из кульминационных моментов повествования — эпизод, где Бомарше, только что получивший из Америки текст Декларации, читает ее вслух на великосветском празднестве как эффектную новинку, вызывая общий восторг собравшихся гостей. Титулованные бездельники, салонные петиметры — вот кто, по Фейхтвангеру, образует первую во Франции аудиторию, восхищенно прислушивающуюся к словам Декларации независимости!

В другом эпизоде романа Франклин рассказывает своим французским знакомым, как проходило в американском конгрессе обсуждение Декларации, и с добродушной иронией передает досаду автора ее первоначального текста Томаса Джефферсона по поводу тех «незначительных поправок», которые были внесены в его проект. Франклин вспоминает: «Если бы не было так жарко, дебаты продлились бы еще два-три дня, и тогда от первоначальных формулировок, пожалуй, ничего бы не осталось...» С такой вот элегантной легкостью повествует романист о спорах, которые имели глубоко принципиальный смысл. Он умалчивает о том, какой характер носили «незначительные поправки», внесенные депутатами в проект Джефферсона. Он умалчивает о том, что по настоянию правого крыла конгресса из проекта Декларации был исключен пункт, осуждавший владение и торговлю рабами.

Так и в отдельных эпизодах романа, как, в сущности, и во всем его замысле и построении, проявляется стремление романиста низвести острые исторические конфликты, борьбу сил прогресса и реакции до уровня безобидно-забавной, обывательской комедии.

Стоит ли удивляться шумному успеху романа Фейхтвангера в нынешней Америке?

Однако было бы ошибочно думать, что «Гордая судьба» выполняет там только функции развлекательного чтива. Роман этот, именно благодаря своей псевдодемократической фразеологии, как нельзя более пригоден для целей американской империалистической пропаганды.

Миф о буржуазной Америке, как «колыбели свободы», уже давно вошел в идейный арсенал американского империализма. Идеализируя «Новый Свет» впротивовес «отсталой» Европе, буржуазные публицисты США создают весьма удобное идеологическое прикрытие для исполнителей «доктрины Трумэна», хозяйничающих в странах Западной Европы.

Та философия, которая выражена в новом романе Фейхтвангера, вполне укладывается в эту систему воззрений.

Несколько лет назад Лион Фейхтвангер создал не лишенное интереса повествование об известном историке древности Иосифе Флавии, который пошел в услужение к римским завоевателям во имя абстрактной и ложной идеи «мирового гражданства».

Теперь сам Фейхтвангер—хочет он этого или не хочет — в какой-то мере повторяет, в качестве автора «американизированного» романа историю Иосифа Флавия.

И эта ошибка талантливого художника представляет грозное предостережение для тех западных интеллигентов, которые повторяют зады либерального космополитизма, не отдавая себе отчета в том, что космополитизм является просто прикрытием весьма реального служения империализму.

L. Feuchtwanger. „Proud destiny". Viking Press, New-York, 1947. 640 pp.

Банкирский дом „святого духа"

Письмо из Италии

«Банк святого духа» — это не образное выражение и не случайная острота досужего фельетониста, а действующее учреждение, исправно выплачивающее проценты на капитал, производящее всевозможные операции и входящее в систему крупнейшего финансового треста наших дней, именуемого Ватиканом.

Оборотный и основной капитал Ватикана по неполным подсчетам составляет сотни миллиардов лир. Франция и Бразилия, Аргентина и Боливия, США и Испания, Швейцария и Португалия, наконец, собственно Италия — вот страны, где размещено движимое и недвижимое имущество этого финансово-церковного спрута. В одной лишь Италии Ватикан контролирует 30 акционерных обществ с капиталом в 300 миллиардов лир. Бразильский каучук, боливийское олово, американская руда, французский текстиль, швейцарская электропромышленность и даже игорные дома в Биаррице и Виши — вот далеко не полная сфера «интересов» Ватикана, которые отнюдь нельзя назвать платоническими.

Во главе «Банка святого духа» стоит маркиз Саккетти, одновременно являющийся... директором зоопарка в Риме, — у всякого маркиза своя фантазия, хотя, впрочем, изучение повадок хищных зверей может пригодиться при общении с банковскими клиентами... Управляющим «Франко-итальянским банком для Южной Америки», также принадлежащим Ватикану, состоит барон Бернардино Ногара, в свое время представлявший Муссолини при всякого рода важных переговорах. Неудивительно, что отделение этого банка, скажем, в Аргентине является подлинной опорой фашизма во всей Южной Америке.

Мантия папского нунция в Нью-Йорке пропахла не только ладаном, но и самой натуральной нефтью. Ватикан владеет пакетом акций фирмы «Синклер Ойл», и в США его интересы представляет банк Моргана. При посредстве кардинала Спеллмана, являющегося, как известно, своим человеком на Уолл-стрите, связи ватиканского треста с крупнейшими американскими монополиями непрерывно крепнут. Известно, что еще в 1938 году при посредничестве американского дельца и дипломата Майрона Тэйлора Ватикан приобрел у нью-йоркского треста Гуггенгейм оловянные рудники в Боливии. Ныне Майрон Тэйлор является представителем Трумэна в Ватикане и продолжает на новой, значительно более широкой основе свои операции.

Все части большой пропагандистской машины Ватикана сейчас усердно обслуживают американских реакционеров и поджигателей войны. Существует в Ватикане конгрегация «Санкт Оффицио», в функции которой входит борьба с ересями; через посредство своего органа «Субституто нотаро» конгрегация дает также разрешения на «освящение» некоторых эмблем. Этот орган охотно «благословляет» всякого рода фашистские эмблемы, но решительно запрещает... красное знамя!

Международный центр пропаганды Ватикана имеет отделения в Риме, Брюсселе и Нью-Йорке. Агитация ведется сейчас по чисто американским стандартам, вплоть до использования с рекламной целью светящихся неоновых лозунгов. Такова новая модель вифлеемской звезды: где-нибудь в ночном небе Нью-Йорка тексты священного писания безмятежно соседствуют с рекламой кока-кола и эластичных подтяжек...

Усиленно действует существующая при Ватикане «папская комиссия по делам России», добывающая ежемесячное пропитание ежедневным провокационным враньем. Нетрудно догадаться, что соответствующими материалами эта комиссия снабжается все из тех же мутных американских источников и, в частности, из католического агентства США — «Интеркатолик пресс эдженси». Одной из «сенсаций», опубликованных комиссией, явился доклад, посвященный деятельности новосибирского комсомола! Доклад этот был озаглавлен «Десять заповедей сатаны» и передан для соответствующего использования фашистской организации «Уомо куалюнкуе».

Подготовка кадров квалифицированных лжецов и клеветников происходит в специальной школе журналистики, существующей при Ватикане. Официально науки, которым обучаются питомцы этой школы, почему-то именуются «журналистикой четвертого измерения». При ближайшем рассмотрении не может не броситься в глаза «херстовская закваска» всех преподаваемых здесь «наук». Наряду с курсом «публицистики» и «философии» ватиканские чернильные лакеи и поденщики пера знакомятся с «основами профессиональной морали» и с такой не слишком понятной дисциплиной, как «методология апостольства». Для того, чтобы составить себе полное представление об уровне и характере этой «профессиональной морали», достаточно привести темы «сочинений», разрабатываемых в школе: «Тито вторгается в Италию», «Спеллман становится папой» и т. д. Если это именуется «журналистикой четвертого измерения», то что же тогда следует именовать низкопробной провокацией по указке Уолл-стрита?

Отнюдь не лишне напомнить также о том, что диплом об окончании «журналистской школы» Ватикана широко открывает двери редакций реакционных газет и журналов всего мира и помогает продвигаться по политической лестнице. Достаточно сказать, что один из редакторов папского официоза «Оссерваторе романо» Гонелла сейчас стал не более и не менее как министром просвещения в правительстве де Гаспери.

Такова «духовная» деятельность ватиканских мракобесов, диктуемая, как мы видим, не только их реакционными идейными взглядами или их повседневной профессией, но в первую очередь материальными, экономическими интересами Ватикана, как одного из крупнейших финансовых трестов мира. Вот почему если до войны папа называл Муссолини «человеком, ниспосланным провидением», то сейчас он старается изо всех сил уверить свою паству, что «люди, ниспосланные провидением», обитают на Уолл-стрите. Эти усилия приняли особенно яростный характер после того, как между Трумэном и папой состоялся обмен письмами, а поддержка, оказываемая Ватиканом плану Маршалла, всемерно усилилась. Американский епископ Мунк, назначенный новым папским нунцием в Германии, получил от Государственного департамента приказ превратить Тризонию в «христианскую крепость», орудия которой направлены против демократии и коммунизма. Видимо, в качестве «ответной меры» американская шпионка Бреди открыла в Нью-Йорке филиал идеологического штаба Ватикана — «Централе информационе про део», во главе которого в Риме стоит махровый фашист Морлио.

Особенно тесный контакт между США и Ватиканом установлен именно сейчас — на почве подготовки к предстоящим в Италии выборам. Страх перед успехами Народного демократического фронта в одинаковой степени свойственен и магнатам Уолл-стрита и ватиканским кардиналам. И здесь г-н Маршалл не столько получает успокоительное благословение от папы, сколько сам благословляет папу на крайние и решительные действия.

Опасаясь поражения реакции, папа угрожающим образом требует от всех верующих, чтобы они безоговорочно голосовали за американскую агентуру в Италии, то-есть за де Гаспери и его партию. Епископы Милана и Болоньи без всяких стеснений грозят отлучением от церкви всем тем, кто не отдаст своих голосов за ставленников реакции, выступающих в незавидной роли прислужников «его святейшества» доллара.

Вряд ли только удастся достигнуть в этом случае решающего эффекта: ибо даже с помощью неоновых ламп не создашь «нетленного сияния» ни вокруг заокеанского денежного мешка, ни вокруг головы самого мистера Трумэна.

П. ЗВАНЦЕВ.

РИМ.

23 марта Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний совместно с московским Домом культуры Армянской ССР устраивает вечер, посвященный 25-летию со дня смерти Ованеса Туманяна.

Доклад о творчестве крупнейшего армянского поэта сделает проф. В. Я Кирпотин.

В фойе Дома культуры Армянской ССР будет развернута фотовыставка, отображающая жизненный путь народного поэта Армении.

На снимке: Ованес Туманян в своем рабочем кабинете. Снимок публикуется впервые.

БАСНИ ДЛЯ ПРОСТАКОВ В ЖУРНАЛЕ „АМЕРИКА"

В журнале «Америка» № 14 напечатана статья профессора Мориса Кальпа, посвященная деятельности суда в США.

Автор статьи, очевидно, рассчитывая на малую осведомленность советского читателя, пытается доказать, каким «непоколебимым стражем личной свободы» являются американские суды, как они «защищают отдельное лицо от произвольных и насильственных действий представителей власти».

Так, например, проф. Кальп утверждает, что Верховный суд США — непоколебимый страж конституции. Но каждому, мало-мальски знакомому с правовым режимом Соединенных Штатов, известно, что американский Верховный суд отнюдь не является поборником действительной свободы граждан, а охраняет интересы денежного мешка. Ведь не случайно американские жрецы Фемиды, выражающие интересы банкиров и промышленников, в свое время так рьяно противились попыткам Рузвельта реорганизовать Верховный суд, препятствовавший проведению прогрессивных экономических мероприятий.

Верховный суд США на деле представляет собой оплот реакции. Право рабочих заключать коллективные договоры суд считает противоречащим конституции, нарушающим «свободу граждан» (надо понимать, промышленников.—**С. З.**). Когда же Трумэн издает пресловутый приказ о проверке лойяльности государственных служащих, то Верховный суд спешит придать правомерное и конституционное толкование этому антиконституционному покушению на личную свободу.

Для пущей «доходчивости» своих басен редакция журнала «Америка» иллюстрировала статью рисунками: как происходит арест правонарушителя и суд над ним. Агент полиции, как гласит подпись под одним из рисунков, «не может войти в дом без ордера за подписью представителя судебной власти». Редакция, повидимому, полагает, что советский читатель забыл о существовании статьи 178 Уголовно-процессуального кодекса штата Нью-Йорк. Статья 178 предусматривает право ареста не только без ордера, но даже с применением силы. В этих случаях полиция держит арестованного до тех пор, пока не будет сфабриковано «доказательство», а затем уже оформлен ордер. Профессору Кальпу должно быть известно также, что Верховный суд США недавно фактически отменил четвертую поправку к конституции, разрешив полицейским чиновникам производить обыски без ордеров. Американские газеты по этому вопросу не проронили ни единого слова.

Говоря об американских судах, автору статьи в журнале «Америка» следовало бы охарактеризовать самих судей. Но он не сделал это по причинам вполне понятным.

Коррупция и политические интриги — вот что характеризует американское «правосудие». Судьи судят, «взирая на лица». Чем богаче преступник, чем выше его ранг, тем благосклоннее к нему относятся блюстители законности. Именно поэтому Верховный суд не привлекает к ответу спекулянтов, окружающих президента Трумэна.

Вот что пишет об американских судьях коллега Кальпа — профессор Уильям Андерсон из Миннесоты:

«Легкие приговоры, условное осуждение, предоставляемое закоренелым преступникам, досрочное освобождение в таких случаях, когда оно представляется ничем не оправданным, и даже прекращение дел при наличии серьезного, хорошо обоснованного обвинения, представляют собой обычное явление...»

«Независимый» американский судья!.. Чтобы понять, от кого зависит этот «независимый», достаточно ознакомиться с биографией любого судьи. Например, судья в штате Мичиган Франк Пикард раньше был вице-президентом ряда торговых и промышленных компаний и в настоящее время совмещает свою должность с высокими постами в корпорации по торговле утилем, а также в одной промышленной фирме. Как правило, судьи США прошли тренировку на службе большого бизнеса.

Смешным поэтому кажутся слова «перед законом все равны», высеченные на фронтоне здания Верховного суда США, снимок которого помещен в качестве «убедительной» иллюстрации к статье проф. Кальпа.

Напрасно журнал «Америка», издающийся информационным бюро посольства США в Москве, рассчитывает на неискушенных читателей. Пусть поищет простаков в Америке!

С. ЗИВС.

Факты без комментариев

«РЕВЮ ДЛЯ ВЕРУЮЩИХ»

Как сообщает французский еженедельник «Аксьон», в одном из наиболее посещаемых мюзик-холлов Вашингтона в ночь под рождество было организовано специальное представление «только для верующих». Сцена изображала хлев; живой бык и пара ослов пережевывали жвачку, а в яслях орал младенец. Чтобы он, упаси боже, не заснул, к подушке были подведены провода, по которым пустили электрический ток, щекотавший и покалывавший «новорожденного Христа».

По ходу ревю на сцену ворвались «герлс» в костюмах, представлявших собой помесь стиля Людовика XIV и индийских баядерок. Они исполняли чечотку под звуки церковного гимна «Вот пришел к нам божественный младенец», переделанного в румбу...

«ПОСЛЕДНИЙ КРИК МОДЫ»

Директор одного из крупнейших нью-йоркских универмагов стандартных цен приобрел недавно статую знаменитого французского скульптора Аристида Майоля, изображающую обнаженную женскую фигуру. Это подлинное произведение искусства установлено в отделе дамского белья и используется для демонстрации бюстгальтеров «Последний крик моды».

ОТКРОВЕННО ГОВОРЯ...

Как сообщает бельгийская газета «Суар», американский сенатор-демократ Хаукс заявил на банкете, устроенном торговой палатой США: «За время моего пребывания на посту сенатора я никого не ненавидел больше одного дня. Было только одно исключение: одного человека я ненавидел и ненавижу до сих пор. Это тот, кто похоронен в Гайд-парке — Франклин Рузвельт».

Редактор—деятель литературы

Работа редактора — работа творческая. «Редактор, — писал Горький, — это человек, который в известной мере учит писателя, воспитывает его». Являясь первым читателем и первым критиком в процессе создания произведения, редактор помогает писателю еще до опубликования увидеть книгу «со стороны», устранить многие недостатки, повысить ее художественную ценность.

Издательским редакторам принадлежит серьезная роль и в выпуске литературоведческих книг, вступительных статей и комментариев к отдельным изданиям и собраниям сочинений. Эта в высшей степени сложная и ответственная работа требует больших знаний и глубокого марксистско-ленинского подхода к разрешению труднейших эстетических и историко-литературных вопросов.

«Не говоря о том, что редактор должен знать больше писателя, он должен непрерывно учиться своему делу». Таково требование основоположника советской литературы М. Горького, который и сам был замечательным редактором.

Наши редакторы должны учиться у Горького умению кропотливо и любовно работать с писателем, находить новые произведения, замечать и привлекать к работе талантливых людей.

В издательствах художественной литературы работают квалифицированные редакторы. Основные редакционные кадры Гослитиздата, «Советского писателя» и «Молодой гвардии» обладают большим опытом и пользуются заслуженным уважением со стороны писателей.

Однако в работе редакторов и издательств есть еще значительные недочеты. В печать иногда сдаются книги, имеющие серьезные художественные и идеологические недостатки. Не все редакторы и руководители издательств прониклись ответственностью перед народом, перед читателем.

Серьезность задач требует, чтобы внутри издательств самая система редакционной работы была во многом улучшена.

В издательствах не создана такая атмосфера, при которой редактор по-настоящему ощущал бы ответственность за свою работу перед общественностью. Редакторы лишены условий, способствующих постоянному совершенствованию и повышению творческой квалификации.

В издательстве «Молодая гвардия» книга проходит множество инстанций. В результате понижаются ответственность редактора, его творческая заинтересованность в работе. В Гослитиздате долгое время считалось, что редактор, имея дело с крупным писателем, не в праве пред'являть ему серьезные идеологические и художественные требования, а должен только устранять мелкие недочеты языка и наблюдать за прохождением рукописи в производстве. Последствия такого воспитания редакторов дают себя знать и сейчас.

В издательствах почти не бывает обсуждений творческой и производственной работы редакторов. Выпущенные книги, как правило, подвергаются критике лишь в тех случаях, когда в печати вскрываются допущенные в них ошибки. Обычно качество работы редактора не учитывается, а принимается во внимание только количество сданных в набор авторских листов.

Непризнание творческого характера работы редактора приводит к снижению качества редактирования, к тому, что внутри издательств к редакторам начинают относиться, как к техническому аппарату, подготавливающему материал в типографию. Редакторы превращаются в «читальные машины».

График прохождения книги в производстве обычно составляется без достаточного учета времени, необходимого для серьезной проработки корректур. Часто в течение дня редактору приходится прочитывать и подписывать в печать по десять, а иногда и больше авторских листов верстки.

Все это неизбежно снижает качество работы редактора, зачастую порождает ошибки в книгах.

Больше года тому назад ЦК ВКП(б) сделал серьезное предупреждение руководству Огиза, отметив, что работа редакционного аппарата над рукописями организована неправильно.

В июне прошлого года в Огизе состоялось двухдневное собрание редакторов, на котором обсуждалось это решение. На совещании с полной очевидностью вскрылась вся порочность руководства редакционной работой в Огизе. Казалось, что такое положение должно было бы озаботить руководителей Огиза, в частности тт. Осьминина и Накорякова. Но прошло еще четыре месяца, прежде чем тов. Осьминин собрал комиссию по выработке практических предложений. Было признано необходимым улучшить работу лектория, установить твердые нормы редакционной работы, изменить систему оплаты труда и многое другое. Как будто, дело, наконец, сдвинулось с мертвой точки, но, увы, сейчас о предложениях комиссии никто не вспоминает.

Так, в болтовне и пустых обещаниях в Огизе утопили значительное дело. Решение ЦК ВКП(б) осталось невыполненным.

В Огизе «опеку» над работой редакторов передали в руки начальника планово-экономического отдела тов. Францмана, который считает, что успешность работы редакторов определяется только количеством «валовой» продукции. Руководителю планово-экономического отдела Огиза невдомек, что редактор обязан в первую очередь заботиться о высоком идейном уровне книги.

В постановлении о новых, повышенных ставках авторского гонорара Совет Министров РСФСР предусмотрел также оплату редакционной работы. Разумеется, это постановление прежде всего следует применить к тем редакторам, которые постоянно работают в издательствах и являются их основными кадрами. Но в Огизе, например, решили оплачивать по государственным ставкам лишь работу внештатных редакторов и, таким образом, самочинно лишили права на поощрение основные редакционные кадры. Создалось нелепое положение. Для того чтобы иметь право оплачивать редакторов по утвержденным ставкам, директор издательства должен этих редакторов... уволить и вступить с ними в договорные отношения.

Вызывает удивление тот факт, что Союз писателей не привлекает редакторов к участию в работе своих творческих комиссий, как правило, лишенных связи с издательствами. Это часто затрудняет решение вопроса о судьбе книг, которые следует издать. Рукописи месяцами находятся в комиссиях, пока выясняется, где их можно напечатать. В то же время издательства не всегда информированы о работе Союза писателей и не знают, над чем работают писатели.

Участие редакторов в деятельности творческих комиссий теснее свяжет писателей с издательствами, поможет быстрейшему появлению новых книг.

Нужно, чтобы редактор занял в издательстве ведущее положение, которое соответствует его роли в создании книг, необходимых нашему народу.

С. Бородин, Вл. Бахметьев, Л. Белов, А. Воинов, Б. Горбатов, В. Костылев, А. Котов, Ф. Гладков, М. Горячкина, Вс. Иванов, Н. Крюков, Ф. Левин, Н. Ляшко, С. Обрадович, А. Пузиков, А. Садовский, И. Ширяев, И. Френкель, Д. Юферев, Л. Юдкевич, В. Щербина, В. Григоренко, К. Бонецкий.

ЮБИЛЕЙ ХУДОЖНИЦЫ

ЛЬВОВ. (**Наш корр.**). Иллюстрации к произведениям Ивана Франко и Михаила Коцюбинского, созданные львовской художницей, заслуженным деятелем искусств УССР Еленой Львовной Кульчицкой, по единодушному признанию принадлежат к числу лучших образцов современной украинской гравюры. Большая серия «Гуцульщина в труде», посвященная художницей 30-летию Великого Октября, принадлежит также к числу выдающихся произведений.

Общественность Львова тепло отметила 70-летие со дня рождения и 40-летие творческой деятельности талантливой художницы и пожелала ей дальнейших творческих успехов. К юбилею Кульчицкой во Львове открыта выставка ее произведений.

Елена Львовна Кульчицкая — активный общественный деятель. Она — депутат Львовского областного Совета депутатов трудящихся. К 30-летию Советской Украины правительство наградило художницу орденом «Знак Почета».

Новые книги

ГОСЛИТИЗДАТ

Толстой Л. «Анна Каренина». 766 стр. Цена 16 р.

Луначарский А. Русская литература. Избранные статьи. 429 стр. Цена 9 р.

Павленко П. «Счастье». Серия «Роман-газета», вып. 11 и 12, 102 стр. Цена 4 р. 25 к.

Евгеньев-Максимов В. «Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова». Т. I. 415 стр. Цена 9 руб.

Воровский В. Литературно-критические статьи. 254 стр. Цена 6 руб.

Лацис В. «Сын рыбака». 478 стр. Цена 8 руб.

Петефи Ш. «Избранное». 487 стр. Цена 12 руб.

Фронтиспис книги П. Вершигоры «Люди с чистой совестью» работы худ. П. Пинкисевича.

Фронтиспис книги Л. Толстого «Анна Каренина» работы худ. Б. Карпова.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

Фиш Г. «Каменный бор». 240 стр. Цена 7 р. 50 к.

Рыльский М. «Чаша дружбы». 94 стр. Цена 4 р. 50 к.

Коновалов Г. «Университет». 372 стр. Цена 11 р. 25 к.

Эренбург И. «Буря». 796 стр. Цена 20 р.

Джамиль А. Стихи. 105 стр. Цена 5 р.

Зорьян С. «Яблоневый сад». 260 стр. Цена 8 р.

ВОЕНИЗДАТ

Федоров А. «Подпольный обком действует». 195 стр. Цена 5 р. 25 к.

Панова В. «Спутники». 286 стр. Цена 6 р.

Смирнов С. «В боях за Будапешт». 126 стр. Цена 3 руб.

Горбатов Б. «Непокоренные». («Семья Тараса»). 176 стр. Цена 4 р. 50 к.

Вершигора П. «Люди с чистой совестью». 406 стр. Цена 10 руб.

Березко Г. «Ночь полководца». 247 стр. Цена 5 р. 50 к.

Симонов К. «Дни и ночи». 382 стр. Цена 7 р. 50 к.

Толстой А. «Хлеб». («Оборона Царицына»). 341 стр. Цена 7 р.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Синклер Э. «Крушение мира». 706 стр. Цена 30 р.

Фелан Д. «И винтовками и дубинами». 273 стр. Цена 6 р. 50 к.

Мэндер А. «От шести вечера до полуночи». 83 стр. Цена 3 р. 50 к.

Дебидур А. «Дипломатическая история Европы». Т. II. 544 стр. Цена 27 руб.

Фаст Х. «Последняя граница». 350 стр. Цена 11 р. 75 к.

Фронтиспис книги Г. Березко «Ночь полководца» работы худ. О. Верейского.

Партизаны Испании

Помещаемый нами в сокращенном виде очерк о борьбе партизан юго-восточной Испании написан известным испанским журналистом Х. Искарай. Очерк опубликован во французском еженедельнике «Аксьон».

...В первом партизанском отряде, который начал действовать два года назад на юго-востоке Испании, насчитывалось шесть человек, вооруженных автоматами. Кто-то сказал партизанам: «Слишком мал ваш отряд!..»

Командир ответил:

— Это верно, но придет день, когда партизан будет столько, что вы не сможете нас сосчитать...

Шестеро возвращались в горы и попали в ловушку. Завязался неравный бой. Франкисты потеряли пять человек ранеными и одного убитым, но успеха не добились. Таков был итог первой схватки партизан Леванта с врагом.

— В моей провинции не будет партизан! — заявил Лапорта Хирон, губернатор Валенсии, узнав о происшедшем.

Спустя месяц партизаны Леванта опубликовали сообщение о своих новых успешных операциях. Партизанские отряды превратились в столь внушительную силу, что для борьбы с ними Франко прислал в помощь гарнизону Валенсии полк и двух генералов.

В одном из наступлений против партизан участвовали части, прибывшие из Гвадалахары, Валенсии и Кастельона. Им предстояло окружить и уничтожить все партизанские отряды. Тем не менее партизаны не только благополучно избежали разгрома, но и сумели оставить у противника хорошую память о себе. У подножья одного из холмов они заминировали дорогу. С восходом солнца, когда основные силы партизан были уже далеко, до них доносились глухие взрывы. Это взлетела на воздух колонна грузовиков «гражданской гвардии» Валенсии — центрального ядра атакующих франкистских войск.

* * *

Как возникли партизанские отряды Леванта?

Они росли по мере роста сопротивления народных масс. Чудеса героизма, проявляемого партизанами, — это лишь проявление народной воли к борьбе...

Любой житель этих провинций скажет:

— Здесь все — республиканцы.

То же самое вынужден будет подтвердить и полицейский из Аликанте:

— Против нас — народ.

Партизаны Леванта пользуются поддержкой всего народа. Народ снабжает партизан нужной им информацией, лечит раненых и больных, укрывает партизан и пополняет их ряды лучшими своими сыновьями.

Медленно, но верно растет число партизан, расширяется район их действий. Теруэльские горы и массив Альбасете служат для них базой и надежным укрытием. От Тортосы до Кастельона действуют их отряды.

В мае 1947 года во время боев с партизанами в окрестностях Теруэля патрули «гражданской гвардии» уничтожили близлежащие деревни Рубильос, Саррион, Альбентоса и Алиага. Фашистские палачи вешали крестьян на старых дубах, стегали женщин по грудям плетями.

Из деревень патриоты-испанцы уходили к партизанам. Только в одной деревне к ним присоединились сто человек. Наплыв добровольцев был настолько велик, что партизаны сообщали командованию: «У нас нехватает оружия для стольких людей...»

Все лучшее, передовое, мужественное, что есть среди молодежи испанского Леванта, стремится принять участие в борьбе на стороне партизан. Когда Франко об'явил в 1947 году очередной призыв в армию, молодежь ответила:

— Нас ждут партизаны.

* * *

Ладрунан — маленькая отдаленная горная деревушка. Вы не найдете этого названия ни на географических картах, ни в путеводителях. В апреле 1947 года Ладрунан некоторое время был своеобразной маленькой столицей свободной Испанской республики...

Вот как это случилось...

Было раннее утро, когда вдалеке появился вооруженный отряд. Землепашцы, направлявшиеся в поле, и крестьянки, хлопотавшие по хозяйству во дворах, забеспокоились: что за люди?

Отряд в рассыпном строю спускался в долину...

— Партизаны! — воскликнул, наконец, один старик, указывая на подходящих.

С автоматами в руках партизаны вышли на площадь. В молчании несколько минут разглядывали друг друга жители деревни, сгрудившиеся с одной стороны, и партизаны, остановившиеся напротив. Командир мучительно старался вспомнить все то, что он собирался сказать этим людям. Но ни одна из пышных, заранее подготовленных фраз не приходила на ум. Он сначала молчал, а потом просто сказал:

— Ну, вот и мы... Партизаны...

Этого было достаточно. Крестьяне бросились обнимать партизан, а женщины заметили, что в первую очередь следует починить им одежду...

Партизаны все подходили и подходили. Вскоре оживление и веселье на площади стало напоминать дни былых праздников. Крестьяне решили устроить настоящее пиршество. В центре площади были расставлены столы. Несколько женщин из зажиточных семей принесли расшитые скатерти и салфетки. Подносы с пирогами и фляги с вином переходили из рук в руки.

Закончилось угощение, и командир попросил тишины.

— Друзья из Ладрунана! — начал он.— Спасибо за прием. Вы видите, что мы, партизаны, и вы, крестьяне — одни и те же люди, трудящиеся. Мы живем в тяжелое время. Франко грабит вас, издевается над вами, крадет у вас все плоды вашего труда.

Командир повысил голос:

— Крестьяне! Партизаны приветствуют вас! Мы готовы защищать ваши права, ваше имущество и вашу честь. Мы здесь родились, и мы не хотим, чтобы на нашей родной земле лилась кровь невинных. Но пусть дрожат доносчики и все те, кто поднял оружие против народа. Я хочу вновь сказать вам то, что вы, вероятно, уже и сами знаете. Только республика создаст для всех нас человеческие условия жизни. Поддерживайте партизанское движение, и вы обретете свободу. Жители Ладрунана! Мы уйдем отсюда опять в горы. Если после нашего ухода здесь случится что-нибудь по вине франкистских властей, — партизанское правосудие не заставит себя ждать...

Он поднял винтовку и воскликнул:

— Братья! Смерть Франко! Да здравствует республика! Да здравствуют партизанские отряды Леванта!

500 крестьянских голосов единодушно повторили этот боевой клич. На площади запели. То был гимн партизан, впервые прозвучавший в деревушке Ладрунан, в провинции Теруэль. Партизаны пели: «Мы победим фашизм в последней битве...»

* * *

«Вышедшая из народа партизанская армия составляет его вооруженный авангард в борьбе за уничтожение франкистского режима и восстановление республики», — так говорится в первой статье устава партизанских отрядов Испании. Из этих немногих слов становится ясным, какое дело защищают партизаны, почему они взялись за оружие и какова цель их героической борьбы.

Испанцы верят в знамя республики, в знамя народа. Они уверены, что под этим знаменем испанский народ придет к демократии и свободе.

Х. ИСКАРАЙ.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ,
А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ,
М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам. | Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни и отдел писем — К 4-60-02, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 1-18-94, издательство — К 4-28-63

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5

Б—01171